

30 октября 2014 №118

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

В январе 1989 г. несколько сотен делегатов, представлявших около 250 организаций и групп, собрались в ДК МАИ и учредили Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал» — общественную организацию, возникшую на волне небывалого широкого стихийного движения, которое началось еще в 1987 г. Впоследствии, в 1992 г., к определению «историко-просветительское» были добавлены слова «и правозащитное», а «всесоюзное» было заменено на «международное».

Тогда казалось, что поставленные задачи не так трудно решить.

Что общество уже готово дать ясную и жесткую оценку тоталитарному прошлому и готово расстаться с наследием тоталитаризма в сегодняшнем дне. Что навсегда сланы в архив такие советские клише, как «враждебное окружение», «присилки Запада» и «пятая колонна», что уже не вернутся в нашу жизнь понятия «политические преследования» и «политические заключенные». Мы заблуждались.

Так или иначе, но проблема осмысления прошлого и борьба за свободу и права человека остаются в повестке дня. Остаются главными задачами не только для «Мемориала», но и для всего гражданского общества на всем постсоветском пространстве. Может быть, еще на 25 лет. Может быть, и больше. Значит, продолжим работать.

«Международный Мемориал»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Учредительная конференция «Мемориала». Москва, ДК МАИ, 1989 г. В президиуме: Юрий Карякин, Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев, Елена Жемкова, Евгений Евтушенко. Москва, ДК МАИ, 1989 г. Первый выход общества «Мемориал» и бывших политзаключенных на Красную площадь во время первомайской демонстрации 1990 г. Фото Дмитрия Борко и из фотоархива НИПЦ «Мемориал» (Москва).

В НОМЕРЕ:

О СОБЫТИЯХ В КИЕВЕ	с. 2
АТАКА НА «ДОЖДЬ»	с. 3
ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАТАШИ ГОРБАНЕВСКОЙ	с. 3
«КОММУНАРКЕ»: ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ	с. 4
ТОСКА ПО «ЭПОХЕ ЗАСТоя»	с. 5
ПАМЯТИ ДРУГА: СУСАННА ПЕЧУРО	с. 6

ПОЕЗД

Павел Полян написал очерк о поезде, в котором на Кольму ехал Мандельштам, и привел список заключенных евреев («Заметки по еврейской истории», 2013 г., 11–12). Я просматривал его с некоторым равнодушием, и вдруг:

112. МАНДЕЛЬШТАМ ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ, 1891 г., писатель, к-р. деят.

139. РАБИНОВИЧ МЕЕР ЛЕЙЗЕРОВИЧ, 1893 г., механик, к-р. деят.

И сразу поезд, как настоящий, трехмерный, предстал перед моими глазами на полустанке, с нарами, колесами, постукивающим его механиком. Потому что «пассажир» № 139 — Рабинович Меер Лейзерович — мой отец.

Можно спросить: почему имя отца в одном списке с Мандельштамом могло взволновать? Прикосновение к великому человеку? Мандельштам и он вряд ли были в одном вагоне, отец был равнодушен к поэзии, и я даже не уверен, что имя Мандельштама было мне знакомо к моменту папиной смерти в феврале 1959 г.

Не поэтом. А потому, что все они вместе оказались в срезанном слое. В том небольшом списке, который привел Павел Полян, мы видим полный набор профессий: каменщик, экономист, электромонтер, бухгалтер, торговые работники, председатель месткома, учителя, журналист, писатель (Мандельштам), механик (отец), другие. Тот же набор, но еще разнообразнее, я видел, когда посещал отца в его позднейшей сибирской ссылке.

В 1997 г. мы с женой приехали в Москву ради события, которое мы никогда до того не считали возможным: читать в КГБ дела моего расстрелянного деда — главного раввина Москвы Шмарьягу-Иегуды-Лейба Медаля, его сына — раввина Ростова Моше Медаля и отца. По следам визита я написал статью «Трое из раздавленного поколения» на двух языках — русским и английским. Русский вариант был напе-

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Неправосудный приговор, вынесенный в Замоскворецком суде по «Болотному делу», не вызывает удивления.

Но этот приговор обязывает нас кое о чем напомнить.

Власти — о том, что ее попытки такими средствами заглушить и разрушить общественный протест контрпродуктивны. События на Украине — пример того, к чему может привести последовательное игнорирование общественного мнения.

Исполнителям — о том, что, помимо ответственности заказчиков, существует их собственная ответственность. Те, кто взялся исполнять заказ власти, делали это не под угрозой расстрела, им, скорее всего, не грозил даже запрет на профессию. Следователи и судьи, сфабриковавшие «Болотное дело», совершили преступление против правосудия.

24 февраля 2014 г.

24 февраля судья Замоскворецкого суда Наталья Никишина огласила сроки, к которым приговорены фигуранты «Болотного дела», — сообщил «Интерфакс».

Андрей Барабанов получил три года и семь месяцев. Ему вменялось активное применение насилия к омоновцам — срывание шлема, пинки ногами.

Денис Луцкевич, Степан Зимин и Алексей Полихович получили по три с половиной года. Все они, по версии следствия, дрались с полицией, вырывали других людей из рук силовиков, бросали в последних камни и в целом активно вели себя во время беспорядков.

Артем Савелов — два года и семь месяцев. Суд согласился с довода-

ми следствия и заявлениями потерпевшего о том, что подсудимый не просто отбивался от задерживающего его силовика, а хватал его за руки, мешал задерживать других, при этом нецензурно выражаясь.

Ярослав Белоусов получил два с половиной года за применение насилия в отношении представителя власти: «прицельно бросил в Филиппова неустановленный твердый предмет желтого цвета шарообразной формы, который попал последнему в верхнюю часть груди справа, причинив тем самым потерпевшему физическую боль», — говорится в обвинении. Суд учел, что у молодого человека есть малолетний

Окончание на с. 2 >

«Весной я хочу быть художницей. Летом — шофером поливальной машины. Осенью я хочу быть замужем. А зимой буду балериной», — в мемуарах, выпущенных издательством Corpus, Лора Беленкина подробно рассказывает о событиях своего детства и юности до 1950-х годов, о жизни в Берлине, а затем в Москве. 16 декабря в помещении «Международного Мемориала» состоялась презентация книги воспоминаний Лоры Беленкиной «Окна-ми на Сретенку».

НЕВЫДУМАННАЯ КНИГА ЛОРЫ БЕЛЕНКИНОЙ

Ведущая «круглого стола», руководитель образовательных и молодежных программ Общества «Мемориал» Ирина Щербакова, представляя издание, заметила, что перед нами не только книга, но и «очень достоверное и честное свидетельство об эпохе». «Перед нами — редкий пример мемуаров, написанных без претензий, без желания доказать, разоблачить, свести счеты, что сейчас часто происходит. Книга внимательного, достоверного, честного свидетеля с потрясающей памятью. Книга, приоткрывающая дверь в долгую московскую жизнь, важная не только для семьи, но и для всех нас. Начинаешь понимать, как люди жили на фоне войны, террора», — сказала она.

Ирина Щербакова обратила внимание собравшихся на язык книги, подчеркнув, что по тому, как она

написана, видно, что первым языком автора, языком ее детства был немецкий, и полшутя заметив, что эта «немецкость» видна и в сыне Л.Беленкиной — заведующем библиотекой Общества «Мемориал» и исполнительном директоре НИПЦ «Мемориал» Борисе Беленкине, «из которого вылетают немецкие словечки, поговорки, отрывки песен, которые сами немцы уже забыли».

Лингвист Максим Кронгауз считает, что мемуары Лоры Беленкиной создают «эффект присутствия», и подчеркнул два момента, которые поразили его больше всего. «Во-первых, автор воспринимает жизнь как жизнь, а не как чудо. Она не дает оценок, оценки дает уже читатель. И вторая вещь — это ощущение еврейства как внутренней опо-

Окончание на с. 7 >

Окончание на с. 10 >

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

ребенок, которому только исполнилось три года.

Четыре года колонии общего режима получил Сергей Кривов. Ему вменялось то, что он отобрал у бойца ОМОНа резиновую дубинку и побил его ею. В приговоре судья Никишина особо отметила, что, по ее мнению, право Кривова на защиту, о котором он неоднократно в разных формах заявлял в ходе всего процесса, нарушено не было.

Условный срок три года получила Александра Духанина (Наумова). Она обвинялась не только в участии в беспорядках, но и в причинении неопасного для жизни вреда здоровью сразу нескольким сотрудникам полиции, неоднократно попав в них камнями и кусками асфальта, — сообщил «Интерфакс».

В декабре 2013 г. четверо обвиняемых, проходившие по делу вместе с перечисленными восьмью, но обвинявшиеся только в участии в «мас-

совых беспорядках», были амнистированы.

Ранее в связи с событиями 6 мая были осуждены еще двое. Максим Лузянин был осужден в 2012 г. на четыре с половиной года. Михаил Косенко, осужденный в 2013 г. и признанный Amnesty International узником совести, находится под стражей и обжалует приговор о бессрочном принудительном лечении в психиатрическом стационаре.

Напомним: согласованная с властями акция оппозиции 6 мая 2012 г., накануне инаугурации В.Путина, планировалась совершенно мирной.

Как писал Сергей Давидис (Союз солидарности с политзаключенными) в № 109 «30 октября» Уведомление организаторами было подано всего на 5 тысяч человек. Но еще до начала акции стало понятно, что численность участников превышена многократно.

Выстроившиеся на Якиманке колонны добрались до окрестностей Малого Каменного моста. Там дви-

жение застопорилось, и тем, кто не находился в самом начале, причины этого не были понятны. Зауженный вход в месте, где маршрут движения демонстрации поворачивал на 90°, делал невозможным проход людей на Болотную площадь в сколь угодно разумные сроки. В результате шедшие во главе демонстрации сели на асфальт, требуя расширить проход. В момент, когда переговоры почти увенчались успехом, экипированный ОМОН пошел в атаку.

Люди пытались покинуть площадь, но многим это не удавалось. То тут, то там выстраивались полицейские цепи, отсекая участников митинга от проходов к метро. Нападающие омоновцы хватили людей. Вопреки порядку применения спецсредств, их били дубинками по головам, лежачих — пинали ногами, брызгали в лицо слезоточивый газ. Люди не уходили, давали сдачи. Через два часа площадь была зачищена от людей, от установленных палаток, — пояснял Сергей Давидис.

«Не приходится ждать ни справедливого и законного судебного процесса, ни обоснованного и законного приговора: следственный комитет и суды уже показали свою пристрастность и необъективность в ходе предварительного следствия». «Действия, приписываемые обвиняемым, следствие оценивает вне контекста массового полицейского насилия, имевшего место на согласованном публичном мероприятии», — говорилось в заявлении ПЦ «Мемориал» в июне 2013 г., когда начался суд над участниками «Болотного дела».

Согласно Главе 24 «Преступления против общественной безопасности» статьи 212 УК РФ, под «массовыми беспорядками» понимаются массовые действия, сопровождавшиеся «насилиями, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти».

Видеозаписи столкновений 6 мая зафиксировали, как обвиняемый Андрей Барабанов один раз ударил полицейского ногой, а обвиняемая Александра Духанина бросала камни. Но доказательства, которые подтверждали бы причастность к насилию еще шестерых обвиняемых, не имеется, писал в № 109 «30 октября» Давидис. Однако, суд счел доказанным утверждение прокуратуры, что 6 мая 2012 г. произошли массовые беспорядки, а опровергающие это показания свидетелей были объявлены не имеющими отношения к рассматриваемому уголовному делу. Ярослав Белоусов, Сергей Кривов, Денис Луцкевич, Алексей Попович, Артем Савелов и Степан Зимин были признаны узниками совести Amnesty International.

По материалам ИА «Интерфакс», интернет-портала «Права человека в России» hro.org, «30 октября» № 109

О СОБЫТИЯХ
В КИЕВЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

В последние дни мирные протесты в столице Украины переросли в насилие с обеих сторон.

Ответственность за это лежит, прежде всего и более всего на верховной власти Украины. Именно ее безрассудные действия раз за разом провоцировали обострение противостояния.

Первопричиной нынешнего кризиса стало внезапное радикальное изменение политического курса страны 21 ноября 2013 г. Такое изменение — без всякой попытки выяснить и учесть мнение народа по поводу этой перемены курса, без попытки хотя бы объяснить обществу происходящее — немисливо в демократическом государстве. Это не могло не привести к всплеску народного недовольства.

Ситуация резко обострилась из-за недопустимой и ничем не оправданной жестокости при разгоне «студенческого майдана» в ночь на 30 ноября.

Принятые пакеты репрессивных законов 16 января 2014 г. спровоцировало новую, гораздо более жесткую волну протеста.

Эти законы, стремительно и с грубейшими нарушениями регламента принятые Верховной радой, решительно меняют правовой ландшафт Украины. Не случайно многие наблюдатели на-

звали случившееся «де-факто государственным переворотом».

Теперь СМИ сообщают из Киева о многочисленных пострадавших с обеих сторон. Поступают сообщения о погибших — участниках протеста. Особую тревогу вызывает известия о том, что несколько человек были убиты из огнестрельного оружия, а один — забит до смерти...

Мы осуждаем насилие с любой стороны — как манифестантов, так и властей. Любое насилие ведет страну в пропасть.

Мы призываем как власти Украины, так и лидеров и рядовых участников протеста к прекращению насилия и поиску компромисса.

Мы считаем, что первым и безусловным шагом на пути к стабилизации должна стать отмена недавно принятых репрессивных законов.

Поиск согласия, очевидно, будет непростым. Мы призываем обе стороны конфликта привлечь к переговорному процессу посредников из числа авторитетных политических деятелей — лидеров других государств и/или руководителей межгосударственных организаций.

23 января 2014 г.

Противостояние народа и правительства на Украине длилось 3 месяца, с 21 ноября 2013 г. по 24 февраля 2014 г.

Поводом для массовых акций послужило объявление правительства Украины о том, что оно останавливает подготовку к подписанию соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Вечером 21 ноября 2013 г. на митинг собралось около 2 тысяч человек. 24 ноября на Майдане Незалежности прошло массовое шествие, после которого начался митинг. Несмотря на запрет суда, собравшиеся стали устанавливать палатки, милиция пыталась им помешать — из-за этого и произошли первые столкновения. Часть демонстрантов пыталась заблокировать центральный вход в здание кабинета министров. Спецназ «Беркут» применил слезоточивый газ.

В ночь с 29 на 30 ноября милиция дубинками разогнала протестующих, которые требовали отставки президента Януковича. 35 человек были задержаны, десятки ранены. Президент Украины Виктор Янукович и премьер-министр Николай Азаров заявили, что возмущены жестоким разгоном «Евромайдана». Кроме того, в знак протеста несколько депутатов объявили о выходе из фракции Партии регионов в Верховной раде. Янукович потребовал от Генпрокуратуры Украины немедленно объективно расследовать обстоятельства произошедшего в ночь на субботу, чтобы выявить и наказать виновных.

Однако представители украинской оппозиции выразили сомнения в искренности президента. Глава парламентской фракции партии «Батькивщина» Арсений Яценюк заявил: «Ему не надо ничего расследовать. Ему надо посмотреть на себя в зеркало».

8 декабря в Киеве прошел «марш миллиона». Число собравшихся по данным МВД Украины, превышало 100 тысяч, оппозиция называла цифру в несколько раз большую. Как передавала «BBC Украина», у здания кабинета «уже построены баррикады из мусорных контейнеров, лавочек из Марининского парка и бревен». Армееские палатки были установлены у входов в здание президентской администрации, а также на улице Грушевского, где размещается кабинет министров. Участники митинга находились не только на Майдане Незалежности, но и на Крещатике в сторону Бессарабской площади. Улица Крещатик до Европейской площади и сама Европейская площадь заставлены автомобилями.

9 декабря протестующие блокировали весь правительственный квартал.

В ночь с 10 на 11 декабря начался штурм «Евромайдана». Несколько тысяч спецназовцев и военнослужащих внутренних войск Украины прорвали баррикады на улице Институтской в центре Киева. Внутренние войска и «Беркут» также

зашли на территорию палаточного городка оппозиции на Майдане.

Но на других улицах сломить сопротивление спецназу не удалось. Противостояние с 25 тысячами митингующих длилось 11 часов, в итоге «Беркут» отступил.

17 декабря Владимир Путин и Виктор Янукович договариваются о кредитовании Украины и снижении цены на газ.

29 декабря 2013 г. на народном вече в Киеве протестующие утвердили текст манифеста Всеукраинского объединения «Майдан». Среди требований — освобождение всех арестованных активистов и отставка правительства. В Совет «Майдана» вошли оппозиционные политики, общественные активисты, музыканты и писатели.

16 января 2014 г. Верховная рада приняла законы, которые оппозиция тут же прозвала «диктаторскими». Внесенные поправки предусматривали возможность блокировки интернет-сайтов, административную ответственность за установку палаток на улицах, регламент оформления сцены и аудиоаппаратуры при проведении митингов. Также вводился запрет находиться на массовых акциях в масках, иметь при себе оружие, введено понятие иностранного агента — политической организации, финансируемой из-за рубежа.

19 января оппозиция собралась заблокировать здание Верховной рады, чтобы заставить ее отменить принятые поправки в законы. На народном вече пришли, по разным оценкам, от 100 тысяч до 500 тысяч человек. Радикальная часть демонстрантов направилась с Европейской площади в правительственный квартал к зданию Рады, чтобы начать многодневный пикет. Подступы к Раде с улицы Грушевского, по которой шли протестующие, оказались перекрыты силовиками. У входа на стадион «Динамо» перед кордоном внутренних войск и бойцов «Беркута» собралось несколько тысяч человек. Они пытались прорвать оцепление и раскачивать автобусы силовиков. Наткнувшись на сопротивление спецназа, подожгли автобусы «Беркута» и грузовики, в спецназ полетели булыжники, пиротехника, «коктейли Молотова». «Беркут» применил слезоточивый газ и светошумовые гранаты.

Милиция пустила в ход водометы. К ночи счет пострадавших пошел на десятки, многие милиционеры и солдаты получили черепно-мозговые травмы, переломы, ушибы. Активисты нападали на них с палками, закидывали камнями и «коктейлями Молотова». Демонстранты пострадали в основном от взрывов светошумовых гранат. В результате столкновений на улице Грушевского 22 января погибли 3 человека со стороны оппозиции. В регионах начались захваты областных и городских государственных администраций. Начав-

шие столкновения и различные переговоры продолжались вплоть до середины февраля.

17 февраля вступил в силу закон об амнистии, вместе с отменой репрессивных законов, принятых Верховной радой 16 января. Противники действующей украинской власти начали в ночь с 15 на 16 февраля освобождать захваченные ранее здания городских администраций и частично разблокировали улицу Грушевского.

18 февраля произошло резкое обострение ситуации, спровоцированное отказом Верховной рады обсуждать возврат к Конституции 2004 г.

19 февраля Киев перешел на осадное положение. Закрылись школы и вузы, не работал метрополитен, въезд в город был ограничен властями. В город начали стягивать военные подразделения, руководство Службы безопасности Украины объявило о подготовке к проведению «антитеррористической операции». Виктор Янукович отказывался от дальнейших переговоров с лидерами оппозиции.

20 февраля 2014 г. стало самым трагическим днем. Утром силовики начали открыто применять огнестрельное оружие. Центром противостояния стала улица Институтская, где бойцы самообороны Майдана перешли в контратаку.

На внеочередном заседании Верховная рада приняла решение об отзыве всех сотрудников правоохранительных органов из Киева.

21 февраля под давлением стран Запада Янукович согласился на вывод спецподразделения «Беркут» и внутренних войск из Киева и подписал соглашение с лидерами оппозиции, предусматривавшее возвращение к конституции 2004 года в течение 48 часов, формирование правительства национального единства и проведение досрочных президентских выборов не позднее декабря 2014 года. 22 февраля Верховная рада лишила Януковича президентских полномочий, в связи с его тайным отъездом из Киева в Харьков.

24 февраля Янукович был объявлен в розыск по подозрению в причастности к массовым убийствам мирных граждан. Верховная рада назначила досрочные президентские выборы на 25 мая. Парламент назначил исполняющим обязанности президента Александра Турчинова.

С 18 февраля 2014 г. погибло 82 человека (из них 17 — представители силовых структур), всего с начала массовых акций в Киеве погибло 87 человек. С места обострения столкновений в центре Киева к бригадам экстренной медицинской помощи и в больницы обратился 881 пострадавший, 592 были госпитализированы (данные Министерства здравоохранения Украины на 28 февраля 2014 г.).

По материалам Русской службы BBC www.bbc.co.uk/russian

ВВОД ВОЙСК НА УКРАИНУ
— ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Решение о вводе российских войск на Украину — преступление. Не только против Украины, но и против России, против российской культуры и российской истории, против их неразрывной связи с историей и культурой Украины. Против будущего обеих наших стран.

Поводом для ввода войск названа «угроза жизни соотечественников». Мы знаем из опыта прошлого, что это обычное обоснование для агрессии. Это обоснование — ложное. Наоборот: ввод войск создаст угрозу для наших соотечественников — их станут воспринимать как представителей агрессора.

Еще не поздно одуматься.

1 марта 2014 г.

В ЗАЩИТУ ТЕЛЕКАНАЛА «ДОЖДЬ» — В ЗАЩИТУ ПРАВА!

В последние дни января 2014 г. к нам вернулась государственная политическая цензура. Травля телеканала «Дождь» — это не только наглое подавление свободной интеллектуальной дискуссии, но и явное превышение полномочий должностными лицами.

Пресс-секретарь главы государства не может быть арбитром в спорах об истории или журналистской этике, не должен определять, достаточно ли «наказано» или «напугано» то или иное СМИ.

Прокуратура не вправе «изучать вопрос» о том, обидело ли кого-то из телезрителей обсуждение той или иной темы, если заведомо не было ни разжигания ненависти и вражды, ни оскорбления нравственности. Оценка хорошего или дурного вкуса журналистов — не дело правоохранительных органов в демократическом государстве.

Провайдер, заключивший договор с подписчиком о включении в пакет конкретного вещателя, не может нарушить законные права подписчика получить оплаченный им товар, тем более его конституционное право на свободный доступ к информации.

Много говорится о закулисных давлении должностных лиц на компани-распространители сигнала с целью ограничить вещание канала «Дождь». Это давление связывают с участием журналистов в ряде общественных расследований. Подобный прессинг трудно оценить иначе, как политическую коррупцию и заговор против конституционных прав граждан.

Мы выражаем поддержку редакционной и журналистской команде телеканала «Дождь» в их противостоянии откровенной политической цензуре и шантажу. Мы не оговариваем эту поддержку претензиями к форме и стилю подачи материала журналистами телеканала: эти вопросы вообще лежат вне правовой плоскости. Только в тоталитарных и деспотических государствах власть может регламентировать «правильную» оценку исторических гипотез и фактов.

Мы призываем российскую и международную общественность проявить солидарность с коллективом телеканала «Дождь» и выразить свою озабоченность атаками на основы демократии в нашей стране.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы
Валерий Борщев, член Московской Хельсинкской группы
Юрий Вдовин, член Правозащитного совета Санкт-Петербурга, правозащитная организация «Гражданский контроль»

Сергей Ковалев, председатель Российского общества «Мемориал»
Лев Пономарев, исполнительный директор Общероссийского движения «За права человека»
Александр Черкасов, председатель совета Правозащитного центра «Мемориал»

Лиля Шибанова, ассоциация «Голос»
31 января 2014 г.

СПРАВКА: Ситуация с телеканалом «Дождь» вызвала бурную реакцию в журналистской и правозащитной среде.

Телеканал «Дождь» — российский независимый информационный телеканал, вещающий 24 часа в сутки. «Около 2/3 эфирного времени занимают передачи, транслируемые в прямом эфире. В эфире канала присутствуют новостные, аналитические, дискуссионные и авторские программы, концерты, художественные чтения, документальные фильмы, социальные проекты», — говорится в пресс-релизе телеканала.

В январе 2014 г. вокруг «Дождя» разгорелся скандал из-за опроса о блокаде Ленинграда. В прямом эфире авторской программы «Дилетанты» и на интернет-сайте телеканала «Дождь» появился опрос, в котором предлагалось ответить на следующий вопрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?»

Генеральный директор телеканала Наталья Синдеева на пресс-конференции 4 февраля tvrain.ru/articles/press_konfrentsija_natali_sindeevoj_i_aleksandra_vinokurova_polnaja_versija-361956/ так прокомментировала ситуацию: «Мы считаем, что ошибка в формулировке вопроса была, мы все согласились внутри себя, что формулировка была некорректной, несмотря на то, что все понимали, что это вопрос, который имел право быть и обсуждаться, и подниматься. В том, что был задан вопрос, проблем нет, а как он был сформулирован — это была ошибка». Эта ошибка была исправлена через 12 минут после появления на сайте. Главного редактора телеканала и шеф-редактора сайта «посчитали, что это было некорректно, его (вопрос) сняли и извинились» — пояснила на пресс-конференции Синдеева.

В Госдуме расценили этот опрос как реабилитацию нацизма и «предательство по отношению к своему народу», — говорится в сообщении информгентства ИТАР-ТАСС 27 января.

Некорректно сформулированный вопрос был лишь поводом. По мнению Натальи Синдеевой, озвученном на пресс-конференции, основной причиной атаки на «Дождь» стала независимость телеканала: «Просто независимость. Что нельзя взять и позвонить, сказать: «А что у тебя там главный редактор сделала? Не хочешь ли ты его уволить?». Потому что это действительно на самом деле независимый частный канал».

В результате скандала телеканал отключили большинство спутниковых и кабельных операторов.

Главный редактор «Дождя» Михаил Зыгарь считает, что всплеск негатива в адрес телеканала «Дождь» является следствием политического заказа. «Нам очевидно, что против нас развязана кампания. Наши недоброжелатели пытаются приписать нам мысли и взгляды, которые не имеют к нам никакого отношения», — написал он 27 января в своем блоге http://tvrain.ru/blog/blog_mihaila_zygarja

Александр Винокуров, инвестор и владелец «Дождя», сообщил 3 февраля в своем микроблоге twitter.com/Vinokurov12 что отключение «Дождя» последним крупным оператором означает «фактическое закрытие телеканала».

«Только конфиденциально, без, условно, публикации все представители этих операторов нам сегодня сказали, что всем поступило распоряжение под разными причинами — найти любую причину: техническую, коммерческую, идеологическую, договорную — расторгнуть договоры. И все, кто выключил, нам вне публичного заявления это подтвердили. Но мы же прекрасно понимаем, что вопрос лежит не в юридической плоскости», — прокомментировала Наталья Синдеева отключение телеканала в программе «Здесь и сейчас» 29 января.

Основным способом доступа зрителей к вещанию телеканала стала подписка в Интернете. Ряд региональных операторов продолжает вещание. О том, как можно смотреть телеканал, читайте на сайте «Дождя»: <http://tvrain.ru/connecting/>

По материалам телеканала «Дождь» и радиостанции «Эхо Москвы»

Вечер памяти Натальи Горбаневской состоялся на девятый день после ее смерти в зале «Международного Мемориала». На Каретном ряду собрались не только те, кто знал Наталью Евгеньевну с 1950-х годов, но и те, кто становился ее другом в течение жизни. Всех, кого она принимала в круг своих друзей, просила называть ее просто Наташей. Даже если этот новый друг был намного моложе ее. И поэтому в этот вечер, говоря о ней, никто не называл ее по имени-отчеству. Просто Наташа, близкий по духу, честный и трогательный в этой честности человек — Наташа Горбаневская.

Арсений Рогинский, председатель Правления «Международного Мемориала», открывая это многолюдное мероприятие, сказал, что помянут Наташу в Москву приехали ее друзья из Польши и Чехии.

Писательница **Людмила Улицкая**, одна из самых давних и близких друзей Натальи Горбаневской:

«Еще в нашем доме было принято всегда правду говорить. Не помню, по какому поводу, гораздо позже, мне Ирка моя говорит: «Я тебя не понимаю. Мы с возрастом учимся врать все лучше, а ты как буд-то наоборот». «Я была ленивым ребенком, таким небезразличным, непрязливым. Потом стало ясно почему. Когда в 11 лет у меня был конъюнктивит и пошли к глазнику, оказалось, что у меня один глаз почти не видит, а другой видит плохо. Так что можно понять, почему я не бегала и не прыгала. Я читала все время. Я выходила, как только утро, когда тепло особенно, выносила табуретку, какая-то у меня была маленькая скамеечка, на табуретку клала книжку. Когда на меня в 12 лет надели очки, то меня во дворе стали звать профессором, но все-таки еще и за книжки». (OPENSPACE.RU Наталья Горбаневская «Вот я дура была без страха».)

«КАК ОБ КОСЯК ВИСОК, ДЫХАНЬЕ РАССЕЧЕТСЯ...»*

— Я познакомилась с Наташей, когда была школьницей, а ей уже было 25 лет. Я хорошо знала ее маму. Вы себе не представляете, до какой степени Наташа была похожа на Евгению Семеновну, даже судьбами! Евгения Семеновна, как и Наташа, растила двух детей одна, была негиббаема, честна и мужественна. Прекрасно помню, как я пришла к ним домой, еще на Песчаную улицу, когда Наташа была уже в Казани. Евгения Семеновна мне говорит довольно раздраженно: «Ну как так можно было поступать, оставить детей, не думать о них?» Ну, она говорила то же самое, что и мы все думали. Это был, действительно, немислимый поступок. «Я тоже не бесчестный человек. Вот в 1938 году у нас в издательстве был начальник, Михаил Абрамович, фамилию не помню. Его сначала сократили, а потом арестовали. А за 2 месяца до этого его наградили, и все за него радовались и хлопали. Когда арестовали, то все руки подняли против него. Я тогда встала и говорю: «Почему вы все голосуете против него, когда 2 месяца назад вы все радовались за него и аплодировали?» — говорит она мне возмущенно, как бы заново переживая случившееся почти 20 лет назад. «Евгения Семеновна, а ведь в 1938 г. вы совершили такой же поступок, что и Наташа сейчас. Вы точно так же рисковали, вас могли арестовать, и ваши дети могли остаться одни», — сказала я ей тогда. И она рассмеялась — видно, поняла, что ее поступок равен тому, что совершила Наташа.

Евгения Семеновна была негиббаема. И Наташа в этом тоже похожа на нее. Но я хочу сказать еще одну вещь. Дело в том, что Наташа была абсолютно бескорыстным человеком. У нее ничего никогда не было. Ну вот ничего-ничего! Она умерла и лежит в подаренной ей могиле. Как она ходила всю жизнь в подаренных ей ботинках, куртках. Дело в том, что у нее была со-

служивица Наташа Дюжева, и когда та умерла, то ее муж купил на кладбище Пер-Лашез два места с тем, чтобы потом, когда придет его черед, его похоронили рядом с женой. Но потом он женился, обстоятельства изменились. И когда начались хлопоты, где похоронить Наташу, он предложил это место на кладбище Пер-Лашез. Этот факт — метафора всей Наташиной жизни. Это человек, у которого не было никогда ничего. А если что-то и появлялось, то она тут же кому-нибудь отдавала. Вообще, у нее были все признаки святого. Мы жили с человеком абсолютной жертвенности. Она была подлинно эгоистична, достаточно тяжело в общении. Те, кто с ней общался, это знают. Но если перешагнуть этот уровень, то перед нами святой. Мы это поймем, конечно же, спустя время. Я думаю, нам нужно собрать все то, что она писала в ЖЖ, и издать книгу. В последнее время она очень активно писала в Живой журнал.

ворение в память Юрия. Но оно было встречено Наташей и ее товарищами довольно сурово, отчужденно. И я почувствовал тогда их принадлежность как будто к какой-то секте. И это было в самом деле так. Эти люди вынуждены были держаться с непосвященными довольно внимательно. Предполагалось, что у нас нет необходимого знания и что мы не имеем права вот так просто взять и написать стихотворение в память Юрия Галанского. Для этого нужно было иметь некоторый доступ к той категории людей, к которой принадлежала и Наташа. Мне так тогда показалось. Отношения с ней были немалозатруднительны, потому что у нее ведь было только «да» и «нет». Черно-белый мир. Тут нет особых условий для развития отношений. Но ее «да», так же как и «нет», были наполнены особой ясностью. И в этом была необыкновенная привлекательность, чуть ли не обаяние.

Николай Котрелев, поэт, переводчик.

Я знал Наташу с 1959 г. И как же так случилось, что ее общественно-политический темперамент, мощное напряженное содержание ее жизни за это время прошли мимо меня? Мы встречались, иногда часто, иногда редко, в Москве, в Париже. Но практически никогда дружина ее жизни не раскрывалась передо мной. Кроме редких вспышек. Как-то мы с ней очутились

Анатолий Найман, поэт, переводчик рассказал, как познакомился с Наташей.

Когда она стала ездить в Ленинград, приезжала сдавать экзамены. Она училась в университете. И когда я уже жил в Москве в конце 1960-х, я как-то сказал, что слышал, есть такая «Хроника текущих событий». «Ты не знаешь, кто ее выпускает, что это за издание?» — спросил Наташу. Она как-то так странно на меня посмотрела. «Да, я знаю. Если я увижу экземпляр, захвачу тебе», — пообещала она тем не менее. (Наталья Горбаневская стояла у истоков выпуска «Хроники текущих событий», была редактором первых десяти выпусков. — Примеч. ред.) Когда она уже вышла из казанской больницы, умер Галанский, и я написал стихот-

в треугольнике, где стыкуются Польша, Литва и Пруссия, где все до сих пор замешано на взаимном недоверии, претензиях. И вдруг Наташа роняет: «Коля, это же был район юденфрай!» (по-

* Цитата из стихотворения Н. Горбаневской, 1975 г. Мы верим, что умрем, мы верим, но не знаем, пока не проплеснет заря крылом сухим, покуда на грудь горячим горностаем не кинется печаль, взывая Элохим. Как об косяк висок, дыханье рассечется, а в этой трещине бесцветная, без звезд зияет бездна... Ляг, она с тобой сочтется, она тебе под свой расчет подгонит рост.

На снимке: Портрет Натальи Горбаневской (автор — Б. Биргер) в фойе «Мемориала»
Фото автора.

Окончание на с. 6

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сотрудники «Мемориала» и родственники погибших более 10 лет пытались получить помощь государства для увековечения памяти казненных на расстрельном полигоне «Коммунарка». Поняв, что этой помощи ждать не стоит, активисты инициативной группы начали сбор народных пожертвований. Собранных средств хватило на частичную реализацию проекта. Официальное открытие мемориала запланировано на конец весны.

Эстафету по созданию памятника на «Коммунарке» Сахаров передал бывший узник лагерей

Александр Павлович Сахаров, координатор группы родственников жертв политических репрессий, захороненных на бывшем спецобъекте НКВД «Коммунарка», поделился с корреспондентом газеты «30 октября» своими личными воспоминаниями о сложностях на пути создания мемориала.

Когда Александр Павлович узнал, что останки его отца, военврача 2-го ранга Павла Соломоновича Сахарова, скорее всего, покоятся на «Коммунарке», он связался с Михаилом Борисовичем Миндлиным. «Михаил Борисович 20 лет отсидел в лагерях и, выйдя оттуда, посвятил остаток жизни тому, чтобы стали известны фамилии жертв «Коммунарки», Бутово

останки отца которого тоже лежат в земле «Коммунарки», безвозмездно подготовил архитектурный проект этого памятника, который был направлен на рассмотрение художественного совета Министерства культуры Московской области. Проект был признан интересным и заслуживающим внимания. Но реализовать его не удалось, потому что возникло негласное, но явное сопротивление со стороны церкви, которая получила к этому времени право на эту территорию.

Церковь не возражала против памятника, но и не давала «добро»

«Эта территория раньше принадлежала органам НКВД, а потом КГБ, — продолжает Сахаров. — Там был охранный пост, колючая проволока. Туда невозможно было пройти, она оставалась за-

вах «Коммунарки», — рассказал Александр Павлович.

Напомним, в 1999 г. территория бывшей дачи Ягоды была передана Русской православной церкви. «Коммунарка» стала подворьем Свято-Екатерининского мужского монастыря Московской епархии. «Тогда возникла такая ситуация: те организации, которые должны были дать «добро» на установку памятников, говорили, что эта территория находится под опекой Церкви, поэтому нужно согласие Церкви. А Церковь и не возражала, и не давала согласия», — вспоминает Сахаров.

Чиновники создали Попечительский совет спецобъекта «Коммунарка»

Ценой больших усилий удалось добиться, что территория бывшего расстрельного полигона была признана памятником истории регионального значения. На ней нельзя было ничего строить, вокруг нее должна была быть охранный зона, а сама территория должна была сохраняться. Но Церковь в это время, по мнению Александра Павловича, поступи-

ли конкурс. В начале 2000-х годов они создали так называемый Попечительский совет. Меня в этот совет не включили, хотя к этому времени я приложил уже достаточно много усилий для того, чтобы эта территория стала памятной».

По прошествии 10 лет Попечительский совет спецобъекта «Коммунарка», по мнению Сахарова, практически ничего не сделал для того, чтобы принять «хоть какие-то меры» для сохранения памяти тех жертв, которые там покоятся.

В этом году ситуация изменилась

В 2013 г. ситуация, по словам Александра Павловича, немного изменилась: ранее эта территория находилась под опекой подмосковного монастыря, а теперь ее передали Новоспасскому монастырю. «Настоятель там — епископ Савва. Вроде, более благосклонно относился к идее установки памятника, — рассказал Сахаров. — Поэтому мы — я, еще несколько человек из числа родственников и просто болеющие за это люди — решили активизироваться».

Люди хотят, чтобы были названы фамилии всех жертв, покоящихся на «Коммунарке»

Нелли Станиславовне Тачко, одной из активисток, удалось начать сбор пожертвований среди родственников, и Московское общество «Мемориал» открыло по ее просьбе счет в банке, на который стали собирать средства. Этих денег оказалось достаточно, чтобы заказать памятник. 29 декабря 2013 г. этот памятник был поставлен. Его официальное открытие еще не состоялось, поскольку его необходимо еще обустроить.

«Вот что еще важно. Люди хотели бы, чтобы были названы все фамилии жертв, покоящихся на «Коммунарке». По традиции, это можно сделать в виде каменной стены памяти. Но это достаточно дорого, потому что там несколько тысяч фамилий, — рассказывает Сахаров. — Про каждого есть небольшой пояснительный текст. Они внесены в Книгу памяти. Она выпущена и стала рукописным памятником жертвам политических репрессий. Сотрудники «Мемориала» создали и поименную электронную базу данных».

НА «КОММУНАРКЕ» ОТКРОЕТСЯ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

и Яузской больницы, — рассказал Сахаров. — На территории Яузской больницы он поставил памятник жертвам за свои личные средства и передал мне эстафету по созданию памятника на «Коммунарке».

К тому времени уже появились довольно подробные данные о людях, которые там захоронены. Сахаров организовал группу родных этих жертв под названием «Коммунарка», которая ставила своей целью поставить там памятник. Московское общество «Мемориал» выдало Александру Павловичу небольшую сумму денег.

«Я подготовил текст, заказал памятную доску и привез ее туда. Ее публичное открытие состоялось 14 ноября 1999 г., — продолжает собеседник. — Это единственный знак, указывающий на то, что это территория памятника и что здесь покоятся многие тысячи жертв политического террора 1937–1941 гг. Эта доска до сих пор сохранилась, и все репортажи о «Коммунарке» начинаются с показа этой доски, которая висит на воротах бывшего спецобъекта».

Концепция памятника была готова 10 лет назад

А вот с памятником, по словам Сахарова, начались большие проблемы. В 1999 г. в газете «30 октября» была опубликована небольшая заметка под названием «Памятнику Коммунарке быть». Сегодня невозможно отдать дань памяти, и это большая травма для родственников — они не могут положить цветы к могиле именно своих близких. «Я подготовил концепцию памятника, состоящую в том, чтобы создать братские могилы людей, которые были расстреляны в один и тот же день, — вспоминает Александр Павлович. — Если они расстреляны в один день, значит, они и покоятся вместе. Их могилы по всей территории. Тогда, появится панорама из частных памятников, на которых будут написаны фамилии тех людей, которые были уничтожены в один день. Эта панорама будет своеобразным хронометражем того, как происходили казни по их датам».

В соответствии с этой концепцией в начале 2000-х годов архитектор Александр Аркадьевич Дубсон,

крытой для всех. Эти органы хотели избавиться от этой территории. Но возник вопрос: кому ее передать? По закону РФ о кладбищах, эту территорию должны были взять под опеку государственные власти, но никто делать этого не захотел — ни правительство Москвы, ни правительство Московской области».

Бутово — еще одно место массовых захоронений — было к этому времени передано в хозяйственное ведение Церкви. Церковь выразила согласие взять под свое крыло и территорию «Коммунарки». «Постепенно РПЦ получила право полного распоряжения этой территорией, с обязательством предпринимать все меры для сохранения памяти о жерт-

ла «не очень законно»: без всякого согласования с органами культуры Московской области, осуществлявшими надзор за этой территорией, начала там строительство храма. «Несмотря на это, мы даже были им в какой-то мере благодарны, так как они обеспечили сохранность этой территории. Поэтому мы с этой ситуацией примирились», — отмечает собеседник.

В дело, по его словам, вмешался председатель Мосгордумы Владимир Платонов. «Он и команда его сотрудников своеобразно отнеслись к решению проблемы, — рассказывает Александр Павлович. — Они заявили, что к этому вопросу надо подходить иначе: объявить на эти зем-

За эти 10 лет на территории «Коммунарки» появилось 3 частных памятника: памятники члена правительства Якутии, Монголии и позже — памятники московскому прокурору Андрею Филиппову, который, якобы, противился этим массовым репрессиям и сам оказался их жертвой. Эти памятники были поставлены довольно легко — никакого особенного сопротивления, по словам Александра Павловича, они не встретили».

«Я высказал мысль, что наш памятник не должен теряться на фоне этих частных памятников, поэтому он должен быть не меньшей высоты, — рассказывает Сахаров. — Кроме того, он должен открывать эту аллею памятников, являться как бы эмблемой этой территории».

В 1993 г. была создана специальная комиссия ФСБ, которая выясняла, что происходило в «Коммунарке». В заключении, которое они дали по Бутово и по «Коммунарке», говорится, что на территории «Коммунарки» покоится от 10 до 14 тысяч жертв. «Они пишут и о местах предполагаемых захоронений, но почему они указывают именно эти места — непонятно. Сказать с уверенностью, что это именно те места, — невозможно», — считает Александр Павлович.

Поскольку «государственные власти не желают принимать участие в деле создания памятника» на «Коммунарке», а собранные средства не так значительны, идею создания каменной Стены Памяти, по словам Сахарова.

«Я предложил сделать так, как уже сделано на Донском кладбище в Москве, — рассказывает Александр Павлович. — Там есть три могилы невоинственных прахов. На них стоят небольшие каменные плиты, на которых имеется общая надпись. Люди, считавшие там, ставили колышки с небольшими табличками с фамилиями. Рядом — Книга памяти, в которой перечислены фамилии жертв. Листы этой книги армированы металлом. Я предложил создать не вдалеке от памятника аналогичную Книгу, где будут названы все фамилии. Наша задача — оформить ее в таком виде, чтобы она не страдала от погоды. Мы планируем это сделать к открытию памятника, которое должно состояться в конце апреля или начале мая».

По инициативе Сахарова геолого-разведочный факультет МГУ на добровольных началах с помощью радиолокационных методов пробовал определить на одном из участков «Коммунарки», что находится под землей. Но ничего из этого не вышло, поскольку там очень близко подпочвенные воды, препятствующие прохождению сигнала. «Недавно этим занялся Павел Морозов — у него есть в этом деле большой опыт, — рассказал Александр Павлович. — Он обнаружил несколько мест, которые, скорее всего, являются местами захоронений. Наша задача теперь — как-то обозначить эти места».

Координатор группы родственников жертв политических репрессий,

захороненных на бывшем спецобъекте НКВД, неоднократно говорил о необходимости провести на этой территории пробное вскрытие. «В свое время в Бутово такое вскрытие на свой страх и риск провел Кирилл Глебович Калед, — рассказал Сахаров. — Он из большой семьи священнослужителей, сейчас он настоятель храма в Бутово. К сожалению, в «Коммунарке» этот вопрос наталкивается на глухое сопротивление. От кого оно исходит, мне сказать сложно. Но до меня доходили сведения, что по этой территории проходят какие-то трассы каналов правительственной связи».

Таким образом, сегодня, идя по «Коммунарке», нельзя быть уверенным в том, что вы не идете по человеческим останкам. Есть предположение, что захоронения были на той территории, которая сейчас заросла лесом. Некоторые родственники расстрелянных прикрепили памятные таблички прямо к деревьям. Но эти предположения, по словам Александра Павловича, ничем не подтверждены.

Владимир Тольский стал членом инициативной группы после того, как увидел лежащие в грязи расстрельные списки

Владимира Евгеньевича Тольского стать членом инициативной группы «Московского Мемориала» побудил очередной визит на «Коммунарку», где покоится его отец. Евгений Павлович Тольский был расстрелян после начала войны, в 1941 г., когда основной вал репрессий прошел.

Профессор, доктор наук, член-корреспондент Академии транспорта РФ Владимир Евгеньевич в деталях помнит тот визит на «Коммунарку» в 2009 г. «Была осенняя пора, ветрено, грязно, — вспоминает собеседник газеты «30 октября». — Там, у входа, есть беседка. Возле этой беседки в грязи лежали разбросанные ветром листы с фамилиями усопших. Меня это тогда так возмутило, честно! Я так понял, что сюда приезжали люди из Министерства путей сообщения — там покоится более 600 сотрудников Наркомата путей сообщения. Видимо, они эти списки оставили в беседке, ветер разбросал их, и они попали в грязь. Эта ситуация заставила меня заняться этой общественной работой».

Владимир Евгеньевич занимается этой деятельностью, несмотря на то, что он «далеко не молодой человек» — Тольскому скоро исполнится 82 года.

Свою общественную работу Тольский начал с Тачко

«Сначала я примкнул к Нелли Станиславовне Тачко — она системно занимается проблемой «Коммунарки» больше 10 лет. Она 1924 года рождения. И я начал ей помогать, — рассказывает Владимир Евгеньевич. — Мы с ней организовали примерно 200 писем на имя Лужкова от детей репрессированных с призывом сделать хоть что-нибудь по «Коммунарке».

Вначале Тольский «наивно надеялся», что государство может помочь им в решении этого вопроса. «В Бутово памятник сделали. Там покоится очень много священников, поэтому деньги как-то нашли и Лужков, и Громов, и Церковь, и там сейчас все облагорожено, — продолжает профессор Тольский. — Что касается «Коммунарки», там ничего, кроме храма, нет. Территория вокруг храма отдана в аренду как подворье».

По мнению Владимира Евгеньевича, Платонов и Попечительский совет, который он возглавляет, делают свою работу для «галочки». Не знает Тольский и о результатах работы Комиссии мэрии, которая опекает детей репрессированных. «В марте 2012 г., нас, вместе с Нелли Тачко, как детей репрессированных, пригласили к Платонову на этот совет. Там сидело огромное ко-

личество чиновников, которым совершенно все равно. Они написали какой-то непонятный план мероприятия, не подкрепленный рублем. Заседание комиссии было проведено 1 раз за 5 лет, чисто «для галочки». Эта комиссия существует только на бумаге», — считает собеседник.

Нелли Станиславовна мечтает о создании на «Коммунарке» крупного мемориала, проектная стоимость которого, на сегодняшний день, составляет больше пятидесяти миллионов рублей, рассказал Тольский. В стоимость мемориала по проекту архитектора Вячеслава Силаева входит создание мраморной стены с именами и биографиями людей, похороненных на «Коммунарке» и памятной стелы. «Где эти деньги взять — неизвестно. Мы 3 раза были в приемной бывшего президента РФ Медведева. Сергей Караганов, член президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека, доложил Дмитрию Анатольевичу о проблеме сохранения жертв политических репрессий на «Коммунарке». Президент сказал, что этот вопрос ясен — его надо решать, — продолжает Владимир Евгеньевич. — Знаете, чем это кончилось? Эскизы памятника, которые мы передали в приемную президента, были утеряны. Вячеслав Николаевич Егоров, советник приемной Администрации президента, сказал, что документы куда-то передали и не могут найти, и попросил перезвонить через две недели. Так продолжалось несколько раз. Я понял, что меня попросту «футболом».

Инициативная группа обращалась и к Михаилу Федотову, председателю Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте, председателю специальной рабочей группы по увековечению памяти жертв политических репрессий. «Федотов посоветовал нам «идти на грант», — продолжает профессор Тольский. — Мы 3 года подавали бумаги на этот грант, и каждый раз нас «прокатывали».

Походив по этим коридорам, Владимир Евгеньевич пришел к выводу, что все это — «стрельба по воробьям». Тогда он отошел от идеи Тачко и примкнул к инициативе Сахарова.

На «Коммунарке» будут продолжены работы по определению границ захоронений

Во время встречи в мэрии Москвы Марина Никоновна Сулова, занимающаяся родственниками репрессированных, заявила, что она берется объявить границы, где лежат усопшие, вспоминает Владимир Евгеньевич. «Это очень важно и для Церкви, и для нас, — отмечает собеседник. — Госпожа Сулова сказала, что стоит эта работа 9 миллионов, и она найдет тех, кто ее делает. Но поскольку Коммунарка находилась за пределами Москвы, добиться выделения этих денег из московского бюджета ей не удалось».

Тольский нашел нужного человека сам. «Павел Морозов живет недалеко от «Коммунарки». Он руководит небольшим коллективом, ездит по всему миру со своим георазом. Павел совершенно бесплатно занялся этой работой, — рассказал член инициативной группы. — Он считает, что нашел уже около половины мест массовых захоронений, и этот участок сейчас огорожен».

Для того чтобы продолжить работу по определению границ захоронений, нужна хорошая погода. Кроме того, необходимо, чтобы место исследования было расчищено. В добавок ко всему, Павел Морозов человек очень занятой. Так что работа продвигается не очень быстро.

«К нам сейчас сочувственно относится Церковь, — отмечает Тольский. — У нас сложились хорошие деловые отношения с владыкой Саввой, который опекает «Коммунарку», а служит в

Новоспасском монастыре. С пресс-секретарем настоятеля подворья отцом Ермогеном мы договорились о том, что составим общий план работы по «Коммунарке» на этот год».

Новое поколение принимает заботы о «Коммунарке» на себя

Роман Романов, директор Музея ГУЛАГа, очень энергичный и способный молодой человек, активно помогает инициативной группе. «Мы предложили сделать на «Коммунарке» филиал музея. А это — проблема, поскольку территория отдана в аренду Церкви. Но Роман очень помогает, и в мэрии даже появились люди, которые его потенциально поддерживают. Я сказал Роману: «От тебя зависит, будет правдивой история XX века или она будет искажена и спрятана». Он пообещал, что будет делать все, что можно», — рассказал Тольский.

Новое поколение принимает заботы о «Коммунарке» на себя. «Это поколение — пресс-секретарь отца Ермогена Юля Стихарева, Роман Романов, внук Александра Павловича Сахарова Александр Павлович и все остальные ребята — уже следующее, которое помогает нам в делах по установке памятника. Для меня это просто бальзам на сердце, — отмечает Тольский. — Мы, старики, передаем наши заботы следующему поколению, и они их принимают. Это очень важно».

Сбор средств на открытие мемориального комплекса продолжается

В 2011 г. в «Новой газете» был опубликован счет, на который родственники репрессированных просили присылать средства на строительство памятника на «Коммунарке». «На этот счет поступило более 500 тысяч, 100 из которых перечислил Сергей Миронов из фракции партии «Справедливая Россия» в Государственной думе. На эти средства был создан и установлен памятник», — рассказал Тольский.

Сумма добровольных пожертвований на создание памятника на «Коммунарке» составила 560 тысяч рублей. 311 тысяч истрачено на памятник. Для того, чтобы его «довести до ума» — поставить скамейки, облагородить прилегающую к памятнику территорию, сделать навес, сделать электронные расстрельные списки, — понадобится всего около 1 миллиона рублей. Об этом корреспонденту газеты «30 октября» сообщила заместитель председателя совета РОО жертв политических репрессий «Московский Мемориал» Ольга Ирасовна Ракутько.

Сбор средств ведется Инициативной группой родных жертв при поддержке Региональной общественной организации жертв политических репрессий «Московский мемориал», Государственного Музея ГУЛАГа и Новоспасского савропигиального мужского монастыря. Перечислить пожертвования можно на специальный счет Московского «Мемориала» в банке «Адмиралтейский» (реквизиты счета можно узнать по тел. 8 (495) 699-4129 или на сайте: www.kommunarka-memorial.ru

*Елена ХРУСТАЛЕВА, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»*

На снимке: Установленный памятник на «Коммунарке» и инициативная группа: Слева направо: Александр Юрьевич Генцис — внук расстрелянного деда — со своим сыном. Отец Александра участвовал в борьбе за памятник, но умер несколько лет назад. Генцис за свои деньги сделал фундамент для памятника. Александр Павлович Сахаровы, дед и внук, соответственно сын и правнук расстрелянного Павла Соломоновича Сахарова. Владимир Евгеньевич Тольский, Ольга Ирасовна Ракутько. Фото Ольги Ракутько.

СИМВОЛ «ЭПОХИ ЗАСТОЯ» ВЕРНУЛСЯ В МОСКВУ

Восстановление мемориальной доски на доме, где жил Леонид Ильич Брежнев, бывший генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза, вызвало неоднозначную реакцию общества. Инициатор восстановления памятного знака на фасаде дома № 26 по Кутузовскому проспекту города Москвы депутат Госдумы от «Единой России» Александр Хинштейн считает, что Брежнев был выдающимся человеком, достойным того, чтобы о нем помнили. Председатель Правозащитного общества «Мемориал» Ян Рачинский согласен, что Брежнев может считаться выдающимся деятелем, но лишь по количеству анекдотов, которые про него рассказывали.

Напомним, мемориальная доска была установлена на доме Брежнева в 1982 г., сразу после его смерти. В 1991 г. памятный знак демонтировали и продали в частный музей Германии за 10 тысяч долларов.

ХИНШТЕЙН: Мы обязаны помнить свое прошлое, чтобы смотреть в будущее.

«Памятные знаки на домах людей, длительный срок возглавлявших страну, должны присутствовать, — выразил свою точку зрения в разговоре с корреспондентом газеты «30 октября» депутат Хинштейн. — Моя позиция заключается в том, что мы обязаны помнить свое прошлое для того, чтобы смотреть в будущее. Насколько мне известно, сейчас планируется установить такие же доски на домах, где жил Хрущев и где жил Черненко».

РУКАВИШНИКОВ: Хинштейн проявил настойчивость и убедительность, когда обратился с просьбой сделать мемориальную доску.

Александр Рукавишников, сын автора первой мемориальной доски Брежневу, в программе «Монгайт» на телеканале «Дождь» рассказал, что первой его реакцией на предложение сделать новый памятный знак генсеку СССР было раздражение. «Ломать произведения искусства не нужно, какие бы они ни были, потому что, наверно, только Бог может судить, хорошо это или плохо», — заявил скульптор.

Хинштейн, по словам Рукавишникова, последовательно и настойчиво убеждал его в том, что эпоха Брежнева была «неплохой» и в тот период были «какие-то достижения». Александр Рукавишников признался, что именно благодаря настойчивости инициатора восстановления памятной доски Брежневу он смог, несмотря на занятость, довести эту работу до конца.

РАЧИНСКИЙ: Памятные знаки устанавливаются за реальный вклад в отечественную историю.

Достижения Леонида Ильича ни при открытии памятной доски, ни в публикациях так и не были сколько-нибудь удовлетворительно освещены, считает председатель Правозащитного общества «Мемориал». «Кроме того, что он просидел на этом посту 18 лет, других достижений отмечено не было», — подчеркнул собеседник корреспондента газеты «30 октября».

По мнению Рачинского, мемориальная доска устанавливается не потому, что кто-то занимал тот или иной пост, а за реальный вклад в отечественную историю. «В противном случае все города мира, в том числе и Москва, были бы целиком увешаны досками в честь министров и руководителей разного уровня», — отметил правозащитник.

Для позитивной оценки периода правления Брежнева Ян Рачинский не видит «решительно никаких оснований». По его словам, эпоха Брежнева — это вторжение в Чехословакию и Афганистан, массированное применение карательной психиатрии против инакомыслящих, борьба с инакомыслящими, высылка Солженицына, ссылка Сахарова, отказ от экономической реформы, предложенной Косыгиным, который привел к тому, что страна уже тогда превратилась в сырьевой придаток развитых стран. «В общем, именно тогда было предопределено то отставание, которое привело нас к неутешительным результатам, — продолжает Рачинский. — В некотором смысле Леонид Ильич может считаться выдающимся деятелем по количеству анекдотов, которые про него рассказывали, но вряд ли это может являться основанием для появления мемориальной доски».

Модель сырьевой экономики, по которой продолжает развиваться страна, была создана при Брежневе. Это не единственная параллель между эпохой Брежнева и нынешней властью, констатирует правозащитник. «К сожалению, параллелей между властью Брежнева и нынешней властью появляется все больше, — считает Рачинский. — Поздний брежневский период называли не без оснований геронтократией. Повышение предельного возраста для служащих, несменяемость ключевых фигур на протяжении многих лет — напрашивается еще одна параллель. Но прежде всего, конечно, это путь сырьевой страны. Это не достижение — это позор для Советского Союза и для нынешней России».

Рачинский понимает ностальгию определенной части населения России по Леониду Ильичу — поклонники есть у разных людей и у разных эпох. Ностальгия по прежним временам существует всегда. «В данном случае к общему обстоятельству, что люди тоскуют по молодости, — психологически это понятно, в случае с эпохой Брежнева — это еще и некоторый слом социальных установок, потому что время Брежнева — это время максимальной социальной безответственности», — считает правозащитник.

«Можно было делать вид, что работаешь, и тебе за это как бы платили зарплату, — продолжает Рачинский. — Но при этом ты знал, что если не будешь идти против течения, то с голоду не умрешь и какая-нибудь пенсия у тебя будет». Но чтобы купить машину, «надо будет простоять бог знает сколько в очереди», и еще неизвестно, где взять деньги на эту машину. «Тем не менее, это была стабильная, предсказуемая ситуация без возможности отклонения в хорошую сторону, но и без больших рисков отклонения в плохую, — считает правозащитник. — У человека все расписано, решения принимают за него, он ощущает, что государство как бы о нем заботится. Такая вот была иллюзия».

Ложное ощущение безмятежности жизни стерло из памяти этих людей многоцарские очереди за продуктами даже в тех городах, где они были. «Многие города жили на карточной системе даже в самые благополучные брежневские времена, — напоминает Ян Рачинский. — Это, загадочным для меня образом, исключилось из памяти многих. Хотя люди, которые выезжали в командировки по стране из Москвы, прекрасно помнят эти пустые прилавки, эту карточную систему, когда единственным способом поесть было пойти в столовую».

Людей отучали от самостоятельности на протяжении многих десятилетий всеми способами. Сейчас, когда людям надо самим думать о своем будущем — им это непривычно, они психологически к этому не готовы — отсюда и тоска по «эпохе застоя», считает Рачинский.

*Елена ХРУСТАЛЕВА, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»*

ПАМЯТИ ДРУГА

➤ Продолжение. Начало на с. 3

нание, употреблявшееся нацистами Третьего рейха и означавшее области, свободные от присутствия евреев. — *Примеч. ред.*) И у нее слеза катится. Этот переход от простой и непростой жизни к тому, что у всех на виду, — для нее и было самое дорогое. Мы познакомились с ней у Алика Гинзбурга. Это был живой мир — не антисоветчина, не борьба. Люди так жили, потому что они хотели жить так. Это была комната в коммуналке с большим окном. Была чудная мама Алика, Евгения Ильинична. И две девушки, которые все время варили кофе. И Наташа тоже все время беспокоилась о том, чтобы был сваренный кофе. Она была неуемным человеком, ни с чем несогласной. В бесформенном свитере с длинными висячими рукавами, с нелепой тартуской фуражеч-

вручила мне абонемент. Мы стали общаться довольно часто, благо жили недалеко друг от друга. У Наташи был ряд твердых жизненных ориентиров, с ней было надежно, хорошо и комфортно. В последние годы мы встречались редко, но я даже рад этому, потому что и Наташа осталась в моей памяти молодой, той, какой она была в начале 1960-х годов. И никакие последующие встречи не смогли перебить это впечатление. Вот с ним я и остаюсь.

Вера Лашкова, правозащитница, диссидент, распространительница Самиздата, политзаключенная.

— С Наташей было замечательно гулять по Москве. Она прекрасно ориентировалась, никогда не могла заблудиться и находила выход из каких-то переулочков, улочек, дворов. Эта черта у нее осталась и в Париже, который она знала не хуже, чем Москву. И тоже уме-

технического музея по просветительской и образовательной работе.

В 2006 году я поехал учиться в Париж, и мне передали блок сигарет для Наташи Евгеньевны. Так мы познакомились. Мне было одиноко в Париже, и Наталья Евгеньевна очень хорошо меня приняла, кормила борщом. Я очень жалею, что не научился его готовить. Она всегда старалась накормить. Здесь много говорили о ее безытности. Я как-то не замечал этого. Зато когда она меня повела показать, где находится туалет, то сказала, что этим туалетом пользовались три лауреата Нобелевской премии, что, конечно, меня впечатлило. Было еще кресло Иосифа Бродского. Большое, резное.

Последние годы я много общался с Натальей Евгеньевной. Мне была ужасно симпатична ее простота, она одинаково общалась как со мной и моими друзьями, так и с людьми знаменитыми. Ей было немнож-

то я нашла Наташу через ЖЖ, написала слезное письмо не отказать в участии в съемке этого фильма. Она тут же согласилась, свела нас с другими участниками этой акции, в том числе и с молодыми, и последние четыре года мы плотно с ней общались. Она была открытым и предельно честным человеком. Мы много ее снимали, и я очень счастлива, что мы много успели сделать. В апреле этого года мы представляли фильм в Петербургском «Мемориале», и она мне предложила остановиться у ее друга в прекрасном старом доме с высокими потолками, с уникальными старинными книгами. Я приехала и у двери пишу SMS, что я в подъезде. И слышу за дверью энергичные шаги. И сразу с порога: «Что будешь завтракать?» А был великий пост. Наташа — глубоко верующий человек. Ну и я держала тоже пост. Отвечаю, что я кашу на воде съела бы. «Ну и я с тобой»,

1 января 2014 г. в Москве после тяжелой болезни умерла политзаключенная, участница московской молодежной подпольной антисталинской группы 1950–1951 гг., историк, член Общества «Мемориал» Сусанна Соломоновна Печуро.

На церемонии прощания 6 января в «Международном Мемориале», куда собралось больше 100 человек, о Сусанне Печуро вспоминали председатель Правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский, глава Правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов, узник сталинских лагерей Виктор Булгаков, муниципальный депутат Елена Русакова, журналист медиахолдинга «Эксперт» Александр Раскин и многие другие — друзья, знакомые, коллеги по работе.

Жизнь Сусанны Печуро вместила столько, что хватило бы на несколько человек. В 1950 году она, семнадцатилетняя московская школьница, стала организатором подпольного «Союза борьбы за дело революции» — антисталинской молодежной организации. В интервью корреспонденту «30 октября» внук Сусанны Печуро, сотрудник архива «Мемориала» — Алексей Макаров, говоря об этом периоде жизни Сусанны Соломоновны, заметил, что она и ее товарищи не любили героического пафоса и громких слов. «Но жизнь и убеждения не оставили им выбора. Они понимали, на что идут, но не могли поступить иначе», — сказал Алексей.

Организация довольно скоро была раскрыта МГБ, и ее участники были арестованы в январе-феврале 1951 г. Следствие продолжалось год и было очень тяжелым. Роковую роль в судьбе членов СДР сыграл арест министра государственной безопасности Виктора Абакумова. Один из главных инициаторов его смещения, Рюмин, особо упирал в своем письме-донесе на имя Сталина, что Абакумов якобы хочет спустить на тормозах дело «еврейских террористов». В результате участников СДР, среди которых действительно было много евреев, объявили членами молодежной сионистской террористической организации и стали любимыми способами добиваться признания в этом. Приговор, вынесенный в феврале 1952 г., был максимально жестким: расстрел для троих руководителей организации и 25 лет лагерей для остальных, включая Сусанну. В апреле 1956 г. она была освобождена в связи с пересмотром дела — срок был снижен до фактически отбытого. Полная реабилитация «за отсутствием состава преступления» состоялась лишь в 1989 г. В отличие от многих, прошедших ГУЛАГ, это не ожесточило ее.

Алексей Макаров подчеркнул, что основным свойством ее характера была доброта. «Это чувствовалось уже внешне — по глазам. Внутри нее была абсолютная доброта по отношению к другим людям. Такого я, честно говоря, практически нигде больше не видел», — сказал он. Он заметил, что ее доброта распространялась и на события прошлого. «Это было абсолютно христианское всепрощение. Я ее спрашивал в каких-то случаях: «Нужно же что-то сделать с людьми, совершившими преступление, посадить их в тюрьму?» Она говорит: «Нет, ни в коем случае никого нельзя сажать в тюрьму». Я говорю, что это же утопия, нет и не придумали других способов наказания за преступления, кроме тюрьмы, в массовом масштабе. Она соглашается, но все-таки замечает, что лучше бы без тюрьмы».

Это свойство ее природы, несмотря на выпавшие ей в жизни невзгоды, отмечали практически все знавшие ее люди. Впрочем, надо заметить, что эта доброта не была синонимом слабости и терпимости ко злу. Когда в начале 1990-х гг. на одной из политических ту-совок лидер ЛДПР Жириновский

«КАК ОБ КОСЯК ВИСОК, ДЫХАНЬЕ РАССЕЧЕТСЯ...»

кой на голове, она ездил авто-стопом из Москвы в Ленинград и обратно. Не рассуждая, уверенная, что так и нужно жить. Безытность полная! Когда мы встретились в Париже, какая радость откровенная, восторженность. Ну да, она научилась супчик варить. «Коль, я тебе супчик сварила, ты же без супчика в Париже пропадешь». Ощутимое и только этим одним оправданное политическое действие: если есть нормальная, напряженная, тяжелая, но счастливая жизнь, то можно ложиться под танки, если этого нет, то лучше обойти их стороной.

Сергей Неклюдов, профессор, доктор филологических наук.

— Дело было в 1962 г., в сентябре, на филфаке. Я сдавал «хвост». Мы ждали преподавателя, но он не пришел, и все разошлись. Осталась одна девушка в нелепой длинной юбке, с копной волос, в очках. Мы разговорились, не спрашивая имен. Это была осторожная беседа, когда собеседники как бы прощупывают друг друга на степень возможного доверия. Она мне много сказала разных вещей, которые меня удивили. Она сказала, что в XVIII веке было два великих поэта, в XIX — 4, а в XX их 8. Я с арифметикой согласился, а с наполнением не совсем. Эстетически мы не сходились. Она сказала, что я должен ходить на концерты Рудольфа Баршая, и тут же

ла водить и показывать. Наташа не менялась. Она становилась старше, но оставалась такой же, как и в молодости, удивительно трогательным человеком. Это качество цельного человека. Ее хотелось защищать. Я очень гордилась, что она меня называла сестрой. Когда Наташу арестовали и ее мама не могла носить в Бутырскую тюрьму передачу, уж и не знаю почему, но власти разрешили мне записаться ее сестрой, что дало потом ей возможность писать из казанской психушки.

Иван Боганцев, заместитель генерального директора Поли-

ко одиноко в Париже. Однажды мы сидели вечером и я предложил ей вести ЖЖ. И мы сразу же занялись воплощением этой идеи в жизнь. Наши встречи приобрели уже другой характер.

Ксения Сахарнова, соавтор фильма «5 минут свободы».

— Она просила называть ее просто Наташа. Сначала обращаться к ней так запросто «Наташа» было неловко, неудобно. А сейчас, после ее ухода, по-другому и назвать ее не могу — только Наташа. Когда у нас родилась идея снять этот фильм,

— отвечает Наташа. А вечером мы представили фильм. Была прекрасная атмосфера доброжелательности, комфорта. А потом мы поехали отмечать это событие в дом еще одних друзей Наташи. Там был накрыт такой стол хлебосольный. Я посмотрела на все это и говорю: «Ну вот, придется нарушать пост». На что Наташа заявила: «Главное — не есть людей!»

Анна Красавицкая, она же Нюся, она же любимая внучка Наташи.

— У нее было три внуки и два внука. Бывают разные бабушки, а Наташа была бабушкой, которую мы все очень любили, а главное — уважали. Когда она приезжала в Москву, то таскала нас по книжным магазинам, покупала нам книги, говорила с нами обо всем. В ней не было ни малейшего желания на кого-то давить. И если кто-то из детей что-то просил купить, она никогда не говорила «нет». Она просто говорила: «Я тебе этого не куплю. Но вот тебе деньги, купи себе это сам». И когда были похороны, — спасибо всем, кто участвовал в этом печальном мероприятии, — кто-то сказал брату: «Петька, твоя бабушка будет лежать на одном кладбище с Морисом Торезом». На что Петька сказал, это Морис Торез будет лежать на одном кладбище с бабушкой.

Татьяна ГАНТИМУРОВА, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимке: На вечере памяти. Фото автора.

СПРАВКА: Наталья Евгеньевна Горбаневская (26 мая 1936 г., Москва — 29 ноября 2013 г., Париж).

Закончила заочное отделение филфака ЛГУ в 1963 г. Работала в московских редакциях. Переводила на русский стихи со славянских (в основном с польского) и романских языков. Во время учебы в МГУ в марте-июле 1957 г. привлекалась в качестве свидетеля по делу своих друзей, распространявших листовки в связи с венгерскими событиями.

С 1959 г. стихи Горбаневской распространялись в Самиздате, в том числе в журнале «Синтаксис», альманахе «Феникс». С 1969 г. на Западе выходят поэтические сборники. В феврале 1968 г. Горбаневскую впервые принудительно поместили в психиатрическую больницу им. Кашенко, но вскоре выписали. Историю своей насильственной госпитализации она описала в очерке «Бесплатная медицинская помощь», который распространялся в Самиздате.

В апреле 1968 г. Горбаневская начинает выпускать «Хронику текущих событий». Под ее редакцией выходят первые 10 выпусков. Избранный Горбаневской сдержанный, безоценочный стиль изложения и подачи материалов, направленный на объективное освещение событий, связанных с нарушениями прав человека в СССР, сохранился в «Хронике текущих событий» до момента прекращения издания.

25 августа 1968 г. Горбаневская приняла участие в «демонстрации семерых» на Красной площади. Была задержана вместе с другими демонстрантами, но в тот же день после обыска отпущена. О демонстрации она рассказала в письме, адресованном редакторам западных газет. В связи с уголовным делом, возбужденным против Горбаневской по факту демонстрации, была признана невменяемой. Горбаневская приняла участие в создании Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

Неоднократно подвергалась обыскам. 24 декабря 1969 г. Горбаневскую арестовали. В апреле 1970 г. в Институте им. Сербского Наталья Горбаневская была признана невменяемой и определением от 7 июля 1970 г. московского городского суда направлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. С января 1971 по февраль 1972 года пребывала на принудительном лечении в Казанской спецпсихбольнице и в институте им. Сербского.

В 1975 г. Горбаневская эмигрировала и поселилась во Франции. Стала работать в журнале «Континент» (до 1992 г.). Выпустила несколько поэтических сборников. С 1976 г. являлась зарубежным представителем редакции самиздатского исторического сборника «Память». В России публиковалась с 1990 г., регулярно приезжала на родину.

25 августа 2013 года, 45 лет спустя, Горбаневская снова приняла участие в демонстрации на Красной площади под лозунгом «За вашу и нашу свободу». Горбаневскую полиция не тронула.

СОЛДАТ «МЕМОРИАЛА»

— тогдашняя «восходящая политическая звезда» — назвал С.Печуро жидовкой, в следующий же момент он получил удар палкой, без которой та не ходила. Политик струсил и предпочел ретироваться, сыпля обещаниями включить свою «оскорбительницу» в «черный список» после прихода к власти.

И в воспоминаниях, и в выступлении на церемонии прощания в «Международном Мемориале» все подчеркивали, что Сусанна Печуро, вне зависимости от того, какой год был на календаре, оставалась абсолютной юна душой, свободно общаясь с представителями следующих поколений. Алексей Макаров, комментируя эти слова, заметил: «Ей были интересны разные люди, она свободно общалась как с представителями своего поколения, так и с молодежью, очень легко устанавливая с ними контакт».

После освобождения из лагеря она закончила Московский государственный историко-архивный институт, работала в Архиве древних актов, в Институте Африки. Но она не собиралась уходить в «научную эмиграцию», как это делали в то время многие оппозиционные власти интеллигенты. Квартира Сусанны Печуро стала местом перепечатки и хранения самиздата. Там подписывали открытые письма в адрес властей и собирали деньги на помощь политзаключенным. Во второй половине 1970-х гг. она совместно с Валерием Сендеровым и трагически погибшей в 1982 г. Беллой Суббатовской организовала полуподпольный Народный университет математических знаний, где неофициальным образом получали образо-

вание евреи, которых специально «валили» на экзаменах в главные вузы страны. Деятельность НУМЗ закончилась лишь после ареста Сендерова в 1981 г.

А когда в 1988 г. возник «Мемориал», Сусанна Печуро стала его активным участником и даже несколько лет входила в правление. Александр Черкасов, выступая на 70-летию С.Печуро, заметил, что она своей личностью связывает три поколения диссидентов и правозащитников. В своем выступлении на церемонии прощания А.Черкасов заметил, что Сусанна Печуро «была душой бывших участников антисталинского сопротивления».

Алексей Макаров сказал, что для Сусанны Соломоновны «Мемориал» стал домом и семьей. «Она относилась к «Мемориалу» как к задаче всей своей жизни и в шутку говорила, что она солдат «Мемориала» — пойдет туда и будет делать то, что нужно. Поэтому, когда в последние годы она не могла уже работать в полную силу и очень огорчалась, мы придумывали ей работу. Я говорил — у тебя такая работа: ты сидишь в комнате, чтобы могли приходиться корреспонденты брать у тебя интервью. Она отвечала: да, я понимаю, но я хочу делать еще что-то, еще и еще».

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Сусанна Печуро. Первый курс Историко-архивного института, 1957 г. Фото из личного архива Алексея Макарова.

➤ Продолжение. Начало на с. 1

ры человека в самых сложных обстоятельствах», — сказал он.

Кинокод ументалист Олег Дорман подчеркнул, что «Окнами на Сретенку» является уникальным источником об истории XX века, и предположил, что ее «разберут на ниточки все, кто пишет об этом времени». «Там есть, что содрать. Нет такой вещи, которой она бы не помнила», — отметил Дорман. «Хорошо, что человек так распорядился своей памятью. Я завидую тем, кто еще не читал книгу. Их ждут замечательные ощущения», — заключил он.

Московский уполномоченный по правам ребенка Евгений Бунимович отметил, что представляемая книга — одна из тех неожиданно (а на самом деле — ожидаемо) популярных книг, «читая которые мы осознаем, что люди это люди». «Нас почти убедили, что нас почти нет, что мы — отдельные маргиналы. А эти книги возвращают нам нормы поведения», — сказал он. Бунимович также с благодарностью отозвался о работе дизайнера Андрея Бондаренко, благодаря которому опубликованные в книге фотографии превратились в своеобразную «книгу в книге». В этот момент презентации на

НЕВЫДУМАННАЯ КНИГА ЛОРЫ БЕЛЕНКИНОЙ

экране демонстрировались специально подобранные фото Москвы разных времен и слайды из семейного альбома Лоры Борисовны с комментариями Катерины Беленкиной, внучки мемуаристки.

Наталья Громова, прозаик, драматург, старший научный сотрудник Дома-музея М.И.Цветаевой, обратила внимание на важную роль мемуаров при написании истории России XX века. «Из мемуаров репрессированных появилась общая история ГУЛАГа, и я думаю, что и из этих маленьких мемуарных ручейков мы получим историю XX века», — сказала она.

В качестве примера того, как мемуары позволяют выяснить детали, отсутствующие в официальных публикациях и документах, Громова привела историю так называемой писательской эвакуации в Чистополье. «В 1987 г. была выпущена специальная книга очерков «Чистопольские страницы», но в нее, естественно, многое не вошло. И я просила написать мемуары писательских детей, оказавшихся в Чистополе. Оказалось, что взрослые не писали о многих деталях — у них была самоцензура, и эти детали выяснились только из воспоминаний детей. Так, например, школа, в которой они учились, выходила окнами на страшную Чистопольскую тюрьму, где много позже погиб Анатолий Марченко», — рассказала Наталья Громова.

Говоря о мемуарах Лоры Беленкиной, она отметила, что, помимо точного воспроизведения событий, ценность этих воспоминаний и в том, что они описывают абсолютно уникальный опыт — переселение несоветского человека в советский мир. Как и М.Кронгауз, она подчеркнула беспристрастность мемуаристки, но одновременно задалась вопросом — как могло случиться, что семью, прибывшую из Германии, не депортировали из столицы в 1941 г. подобно остальным российским немцам?

Вопрос вызвал довольно оживленную дискуссию среди участников вечера. Ирина Щербакова заметила, что чудеса случались и в СССР. «Речь шла либо о прорехе в бюрократической сети, либо о невероятном счастье и везении», — предположила она. Борис Беленкин высказал версию, что основной причиной того, что семью не тронули, была смена на-

Перед вами, говоря словами автора, мемуары зрителя, благодарного и внимательного к эпохе. Кажется, что так подробно нельзя ни помнить жизнь, ни описать ее. Можно. Отсюда и эффект присутствия.

МАКСИМ КРОНГАУЗ

Лора Беленкина
**Окнами
на Сретенку**

[memoria]

Corpus

циональности с немецкой на еврейскую еще до начала войны. «Видимо, существовало правило, которое соблюдалось: если кормилец семьи на фронте и он не немец, семью оставляли в покое», — сказал он.

Рассказывая о мемуарах своей матери, Борис Беленкин отметил, что относился к ним «внутренне настороженно». Парадоксально, но первым прочитавшим их еще при жизни самой Лоры Беленкиной человеком стал Габриэль Суперфин, собиратель архивных документов и диссидент. «Он настолько восхитился, что хотел увезти их в Берлин, но я не дал», — рассказал Борис Исаевич. Он горько жалеет о том, что не прочел воспоминания до смерти матери, скончавшейся в 1999 г., поскольку у него есть «масса недоуменных вопросов, на которые уже некогда ответить». «Тому факту, что книга вышла, я, конечно, рад. Но детально ее оценивать мне сложно. Могу лишь сказать, что ряда известных мне историй я в книге не обнаружил. Нет в ней и графомании, чем всегда отличались мои собственные попытки мемуаристики», — добавил Борис Беленкин.

Комментируя эти слова, Ирина Щербакова заметила, что ситуация, когда воспоминаниями родителей интересуются не дети, а внуки, — вполне типична. «В проводимом нами школьном конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» основными информаторами также выступают не родители, а бабушки или прабабушки. Видимо, у родителей и детей слишком сильные эмоциональные связи, и это становится препятствием для интереса к воспоминаниям», — сделала вывод она.

Внучка Лоры, Катерина Беленкина, рассказала о том, как книга все же нашла своего издателя, заметив попутно, что работа над подготовкой мемуаров к изданию была для нее «прекрасным временем». По ее словам, все началось с того, что она и Борис Беленкин, уже отчаявшись найти издателя для мемуаров, выбрали некоторые наиболее «ударные» отрывки и опубликовали их на сайте «Уроки истории». «Я на своей странице в Фейсбуке дала ссылку на эту публикацию и добавила, что если у кого-нибудь есть желание прочесть все, то он может обращаться

ко мне, и я поделюсь. Это попало на глаза редакторам издательства Corpus, они заинтересовались и итогом стало издание книги», — рассказала Катерина. Она подчеркнула, что так же, как и отец, не знала практически ни о чем из того, что было описано в мемуарах. «Лора была закрытым, скромным человеком. Об отношениях с бабушкой она вообще не хотела говорить. Прочтя в мемуарах об истории дедушкиной смерти, я их закрыла и долго не открывала, собиралась с силами. До последнего момента не была уверена в том, что мы имеем право это опубликовать в виде книги», — сказала Беленкина.

Однако, по ее словам, издано было не все. Из-за ограничений по объему книги в нее не были включены примерно 30 рукописных страниц, находившихся в конце. Поэтому книга обрывается на событиях 1960-х годов, хотя сами мемуары охватывали и более поздний период.

Борис Дубин назвал вышедшие мемуары «невыводимой книгой личного свидетельства и повседневного опыта». Дубин провел параллель между подобными изданиями в Англии или США, отметив, что так мало их в советской России. «Удивляться тут нечему: подавление индивидуальности и паранойя вражеского окружения не проходят бесследно. Тем поразительнее, что Лора Борисовна Фаерман-Беленкина сумела сохранить и донести до нас все, что столь последовательно ненавиделось и уничтожалось десятилетиями: семейный дух, частную жизнь, доверчивость и память, собственный глаз и голос».

Свой секрет повествовательница на первой же странице раскрывает сама: она — зритель, внимательный и благодарный. В этом и дело, вот кого не хватает! Зевая — пруд пруди, папарацци — на каждом углу, а взгляда внимательно и благодарного (тут важны оба слова) днем с огнем не сыщешь.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

«Окнами на Сретенку», Лора Беленкина, АСТ: Corpus, Москва, 2013

РЕГИОНЫ

Проект под названием «Принудительный труд на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны» был представлен 10 декабря 2013 г. активистами Тульского «Мемориала» в стенах музея «Тульский некрополь», с которым мемориальцы сотрудничают на протяжении уже нескольких лет. Существенную помощь в организации мероприятия оказали директор музея Лилия Владимировна Кашенцева и сотрудник музея Алексей Панин.

На презентации руководитель проекта кандидат исторических наук Павел Понарин рассказал о том, что впервые Тульский «Мемориал» задумался над идеей проекта после проведения в апреле 2012 г. семинара для учителей истории города Новомосковска Тульской области по теме «Спецпоселенцы Сталиногорска». Стремление показать все ужасы тоталитарной системы на примере обитателей спецпоселений и узников лагерей ГУЛАГа, которые в основном и создавали город Сталиногорск (сейчас — Новомосковск) и желание развеять укоренившиеся советские мифы

дования выяснилось, что восстановление Подмосковного угольного бассейна после немецкой оккупации было поставлено в заслугу тульским и московским большевикам, в то время как там трудились спецконтингент и спецпоселенцы. На шахтах бассейна трудилась 1/10 часть всех «бывших» военнослужащих, фильтровавшихся в лагерях СССР. Только в одном лагере «Угольном» ПФЛ № 283 (ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь) в Сталиногорске в конце войны было от 15 до 20 тысяч узников, что составляло более 18% от всего спецконтингента, «при-

НОВЫЙ ВЕКТОР ТУЛЬСКОГО «МЕМОРИАЛА»

об истории возникновения второго по величине города Тульской области подтолкнули к решению начать проект, посвященный людям, находившимся в Тульском ГУЛАГе в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Среди ожидаемых результатов проекта — создание интернет-сайта под названием «Принудительный труд на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период», а также установка памятного знака узникам проверочно-фильтрационных лагерей и спецпоселенцам в городе Новомосковске, который был построен трудом заключенных Тульского ГУЛАГа. На сегодня таких памятных знаков нет. Иностранцам военнопленным (немцам, венграм, итальянцам) подобные знаки поставлены их соотечественниками на местах возможных захоронений, но равнодушное отношение к сохранению исторической памяти в современном российском обществе о советских военнопленных, спецпоселенцах и иных категориях граждан, подвергшихся репрессиям со стороны государства, удручает. Проект получил статус «социально значимого», так как направлен на привлечение внимания общественности к этой проблеме. Проект был поддержан грантом президента РФ.

Наиболее сложной частью проекта, по мнению «Мемориала», будет установка памятного знака, которая требует согласования с администрацией г. Новомосковска. Поддержку этой инициативе общественной организации оказывает уполномоченный по правам человека Тульской области Галина Григорьевна Фомина.

Сотрудник проекта Андрей Ключков познакомил собравшихся с предварительными итогами двухлетней поисковой работы в данном направлении, в частности с архивными материалами, воспоминаниями, фотодокументами. Неожиданным для слушателей оказалось почти все: начиная от самого факта существования лагерей НКВД на территории области до масштабов использования принудительного труда заключенных в экономике тех лет. В ходе иссле-

писанного» к Наркомату угольной промышленности.

Принудительный труд широко использовался для восстановления всех важных объектов области: Косогорского и Новотульского металлургических заводов, Сталиногорского и Алексинского химкомбинатов, объектов энергетики, на строительстве дорог, предприятий, шахт, жилья.

С особенным вниманием присутствующие слушали рассказ о проходивших через тульские лагеря потоках спецконтингентов, среди которых были депортированные крымские татары, литовцы, латыши и эстонцы, интернированные иностранные граждане: поляки, рейхсдойче и фольксдойче. Оказалось, что эти факты почти неизвестны местным гражданам, чиновникам и даже некоторым историкам.

Среди собранных материалов есть фотографии, воспоминания узников лагерей, изданные на русском, польском, украинском, немецком и венгерском языках. Среди узников тульских лагерей встречались интересные персоны. Так, например, у нас сидели: личный пилот Гитлера Ганс Баур; разведчики, члены группы «Альта» супруги Велкише; будущая «мисс Германия» Сюзанна Эриксен; Гизелла Якобиус, одна из немногих евреев, доживших в Берлине до краха нацизма, но угодившая в лапы НКВД, а также врач, писатели, художники, музыканты и ученые.

Среди архивных материалов удалось найти ранее неизвестные списки умерших узников, в том числе поляков из эшелона Цеханова. Были найдены и первые списки узников фильтрационных лагерей № 283 и № 0308, которые станут основой для дальнейшей работы по созданию базы данных. У нас появились волонтеры, среди которых следует особо отметить — группа Юрия Ерохина. Члены группы Сергей Ожогин и Светлана Лепехина провели большую работу с населением, установили места дислокации лагерных отделений в окрестностях поселка Дубовка Узловского района. Рассказы очевидцев были ими записаны и обработаны, по этим сведениям были обнаружены остатки

лаготделений и составлены карты размещения зон. Собрана коллекция уникальных фотографий, документов и артефактов. Информация о работе группы регулярно публикуется на странице Тульского «Мемориала» в Фейсбуке.

По данным Тульского «Мемориала», во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы Тульская область была покрыта густой сетью спецпоселений и лагерей и по числу спецконтингента лидировала среди областей Центральной России. Значительная часть спецпоселений была сосредоточена в районе Подмосковного угольного бассейна. Главными хозорганами, использовавшими спецконтингент как рабочую силу, были комбинаты Москуголь и Тулауголь, входившие в систему ГУЛАГа НКВД-МГБ.

Центром Тульского ГУЛАГа был город Сталиногорск. Здесь в 1942 г. для проверки бывших военнослужащих, побывавших в окружении или в плену, был создан тульский спецлагерь № 283 на 10 тысяч человек. В конце 1943 г. его лагерные отделения находились во всех угледобывающих районах области: Богородицком, Болоховском, Донском, Киреевском, Кимовском, Косогорском, Сталиногорском, Узловском, Щекинском и в городе Туле.

В 1943 г. из части лагерных отделений спецлагеря № 283 был создан спецлагерь № 0308 с управлением в Туле, а в Сталиногорске было создано Управление Подмосковных лагерей НКВД в составе спецлагеря № 283 и Подмосковного лагеря для военнопленных № 388.

Всего, по оценкам «Мемориала», через спецлагеря № 283 и № 0308 прошло не менее 50 тысяч человек. Из них умерли, возможно, от 5000 до 7500 человек.

В 1946 г. ПФЛ № 0308 был расформирован, а на базе ПФЛ № 283 был создан Московско-угольный ИТЛ (Мосуголь) численностью 15 497 человек. Он работал до 1951 года, затем преобразовался в ЛО УИТЛК УМВД по Московской области.

По мнению «Мемориала», восстановление Тульской области в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период происходило именно за счет принудительного труда многочисленных категорий репрессированных (узников проверочно-фильтрационных лагерей, спецпоселенцев, военнопленных), что отвечало характеру советского тоталитарного режима.

Презентацию посетили представители общественных организаций Тулы, гражданские активисты, краеведы, музейные работники, студенты и преподаватели факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. Для нас наиболее важным было посещение нашего мероприятия студенческой молодежью, потому что многие, выйдя из школы, не знают практически ничего о советском прошлом. Для многих то, что они услышали на презентации, стало открытием, которое, возможно, изменит их жизнь и отношение к собственной истории.

Павел ПОНАРИН,
Тула

На снимках: Колонна военнопленных, 1940 г.
Карта расположения проверочно-фильтрационных лагерей на территории Тульской области.
Фото из архива Тульского «Мемориала» и Андрея Лыженкова

АСТРОФИЗИК НИКОЛАЙ КОЗЫРЕВ В ГУЛАГЕ И ПОСЛЕ

Председатель тульского областного отделения «Мемориала» Сергей Львович Щеглов выпустил книгу под названием «Время и звезды Николая Козырева». Заметки о жизни и деятельности российского астронома и астрофизика. Сергей Львович печатается под псевдонимом Норильский, под этим псевдонимом и вышла книга. Автор объясняет, что это его долг перед погибшими на строительстве Норильского медно-никелевого комплекса, с которыми он работал в Норильлаге в годы Великой Отечественной войны и после нее. В те же годы отбывал срок и Николай Александрович Козырев, осужденный в 1937 г. по так называемому «Пулковскому делу» вместе с десятками коллег-ученых из Ленинграда.

Козырев и Щеглов в Норильлаге не встречались, — то был один из самых «заселенных островов архипелага». И лишь много лет спустя, когда оба были реабилитированы и покинули Крайний Север, Сергею Львовичу удалось вступить с Козыревым в переписку и телефонное общение, а затем и опубликовать несколько статей о его научной деятельности.

А деятельность эта обширна и признана астрономами и астрофизиками всего мира. В книге приводится рассказ о главных открытиях Козырева. Он начал свои исследования еще в юности. Окончив Ленинградский университет вместе с таким же юным Виктором Амбарцумяном, он вместе с ним поступил в аспирантуру при Пулковской обсерватории. В письме С.Л.Щеглову 27 марта 1970 г. Николай Александрович сообщал, касаясь работы с Амбарцумяном: «Много было общих интересов и поэтому естественно, что первые наши научные опыты обдумывались и обсуждались друг с другом столь детально, что получалось соавторство. Дальше стали появляться индивидуальные увлечения, но дружеские отношения сохранялись до моего отъезда в Дудинку».

«Ничего себе отъезд! — иронически размышляет Сергей Норильский, — научная командировка за колючую проволоку!»

Дело в том, что переписка Козырева и Щеглова пришлось на те годы, когда бывшие заключенные по политическим мотивам, несмотря на реабилитацию, опасались упоминать о годах репрессий. Такова была обстановка в СССР после хрущевской «оттепели», в долгие годы правления Брежнева. Политика руководителей КПСС в те годы сводилась к тому, чтобы о мрачных страницах советской истории не упоминать, а говорить во весь голос только о славных. Это отражалось и на судьбе бывших политических заключенных. Их не преследовали, но настойчивость к ним оставалась. И серьезно мешала раскрытию их талантов.

Это пережил и Козырев. После освобождения ему удалось защитить докторскую диссертацию. Одним из оппонентов при защите был Амбарцумян, достигший к тому времени высокого положения в науке и обществе. Надо отдать ему должное — при защите диссертации Козырева он поддержал его. Однако впоследствии Козырев испытал немалое сопротивление в научной работе.

Одним из достоинств книги Сергея Норильского «Время и звезды Николая Козырева» автор считает то, что она во весь голос говорит о политических репрессиях, о том, какой непоправимый вред принесли они стране и науке в частности.

Автор пишет: «10 марта 1947 г. в Ленинграде состоялась защита Козыревым докторской диссертации. Тема — «Теория внутреннего строения звезд как основа исследования природы звездной энергии». Только что снявший лагерную телогрейку ученый поразил своих умудренных коллег смелостью и оригинальностью научного замысла. Вопреки установившимся общепринятым взглядам он утверждал: звезды живут не за счет непрерывно бурлящей в их недрах ядерной энергии, а по совсем другим законам. Звезда по Козыреву — не атомный котел, а, скорее, машина, перерабатывающая неизвестную людям энергию, превращая ее в радиацию».

Докторская диссертация стала первым шагом выдвинутой гипотезы о превращении времени в энергию. Гипотеза эта стала делом жизни ученого. Завершить это дело он не успел. Доказать свои умозаключения экспериментально не смог. По мнению ученых, поддерживающих гипотезу Козырева, на это не хватит одной человеческой жизни.

Размышляя об этом, автор книги вторгается в сферу научных поисков современной астрофизики, исследует споры ученых о Большом взрыве, происхождении Вселенной, ее конечности или бесконечности во времени и пространстве. Главы книги «Что такое время?», «Бог как признак божества», «Большой взрыв — сотворение мира?» посвящены самым глубоким проблемам мироздания и мировоззрения. Автор стоит на материалистических позициях и — вот парадокс — расходится со своим героем в философских вопросах. Дело в том, что Николай Александрович претерпел в своих убеждениях перелом. Начав научную деятельность как материалист, после лагеря пришел к другим принципам. Автор книги подробно рассказывает об этом, как и об общении Козырева с Солженицыным. Среди тех, кто не принял гипотезу Козырева, были такие ученые, как П.Л.Капица, Л.А.Арцимович, И.Е.Тамм. Не признал гипотезу друга и Лев Гумилев, отбывавший вместе с Козыревым срок в Норильске. Противостояние материализма и идеализма в жизни и в науке старо как мир и продолжается сейчас, в XXI веке, с особенной силой. Сергей Норильский приводит высказывание академика В.Л.Гинзбурга, Нобелевского лауреата, сделанное незадолго до смерти: «Я не раз предлагал обсудить вопросы связи науки и религии и на президиуме, и на общем собрании Академии. Бесплезно. Люди делают вид, что проблемы нет. Что касается утверждения, будто известные ученые пришли к Богу, среди наших современников я таких не знаю. Здесь возник вопрос (...) Что прежде всего отличает официальную религию? В чем ее стержень? Вера в чудеса. Но чудо противоречит науке. Что касается меня, то я не верю ни в какого бога (...) Ни в коем случае не призываю бороться с религией, так как вера — свободный выбор и право каждого человека. Но я против насаждения религии в школе».

Таким образом, книга Норильского о Козыреве не просто рассказ о жизни и деятельности крупного ученого, но своего рода философский трактат, особенно актуальный сейчас в нашей стране, да и во всем мире. Это отмечалось и на прошедшей в Туле презентации и в печатных отзывах.

Елена СЕРЕГИНА,
Тула

В 1953 г., по окончании Иркутского горно-металлургического института, Михаил Суздалицкий приехал по распределению на Колыму. Ему тогда было 22 года. Он прожил на Колыме 30 лет, а позже переехал в Москву. Сейчас ему уже за 80, и он часто вспоминает свое колымское прошлое. О людях и быте обитателей «Дальстрой» в 1950–1960 гг. Михаил Львович написал для «30 октября».

Мне посчастливилось, мои родители не стали жертвами репрессий. В 1939 г. мы жили в г. Улан-Удэ. Мать работала в аптеке, а отец — главным бухгалтером Бурят-Монгольского отделения Союзнефтеэкспорта. Мне было 8 лет, сестре 11. Друг отца дядя Петя, работавший где-то в госбезопасности, сообщил отцу, что поступил донос, в соответствии с которым его через 3 дня должны были арестовать. Мама срочно завербовалась на работу в город Нижнеангарск на севере Байкала. Там мы с родителями и жили — они до 1953 г., а мы с сестрой уехали раньше, после окончания школы.

К моменту окончания института пришла разнарядка: неженатых выпускников, родители которых не нуждаются в уходе детей, направить в распоряжение НКВД, а далее они распределялись по объектам этого ведомственного ведомства. У многих обнаружилось причины не ехать: свадьба, неожиданное заболевание, необходимость ухода за беспомощными родителями. Но некоторые поехали. Меня распределили в «Дальстрой» г. Магадан.

О «Дальстрое» я тогда имел весьма смутные представления, ограничивающиеся тем, что эта организация располагается на северо-востоке страны и занимается добычей полезных ископаемых. Позднее я узнал, что «Дальстрой» был организован в 1931 г. с целью добычи золота, олова, вольфрама, а позднее и урана. Территориально «Дальстрой» занимал весь Северо-восток страны от западного берега Лены. Его общая площадь составляла 3 млн кв. км — более 1/7 части всей территории СССР. В «Дальстрое» все подчинялось администрации этой организации. Там были своя связь, своя медицина, свой воздушный и морской флот. Морской флот «Дальстроя» состоял из 3 судов водоизмещением более 6 тысяч тонн и нескольких более мелких. В воздушном флоте «Дальстроя» был 51 самолет. Авиалиния насчитывала более 30 аэропортов и посадочных площадок. В 1953 г. в «Дальстрое» работали более 330 тысяч заключенных и вольнонаемных. («Историческая энциклопедия Сибири», Изд. дом «Историческое наследие Сибири»).

В Магадане меня направили на работу в Тенькинское горнопромышленное управление, где меня перераспределили на прииск им. Гастелло инженером-электриком. В то время это был единственный прииск на Колыме, специализировавшийся на дражной золотодобыче. (Драга, от англ. «drag» (тащить, чистить дно) — горно-обогащительный агрегат, работающий по принципу многоковшового экскаватора, установленный на плавучую платформу. — Примеч. ред.) Техника, обеспечивающая высокую производительность труда, позволила впервые отказаться на приисковых работах от использования заключенных. Лагерь на том прииске не было.

Но небольшое число заключенных все-таки использовалось, в частности, в качестве дневальных в общежитиях (из лагеря соседнего прииска им. Буденного). Инженерно-технические работники работали по договору и имели право на свободное перемещение, а рабочие были спецпоселенцами. Последние — это освобожденные из заключения, не имевшие права покидать установленного им места поселения, или перемещенные из центральных районов по каким-то специальным со-

ображениям. Например, на прииске им. М.Расковой работали перемещенные со спецстройки под Челябинском. Среди них были и члены партии, но права свободного перемещения они не имели. На прииске им. Гастелло таких спецпоселенцев не было. После амнистии 1953 г., коснувшейся в основном осужденных по бытовым и уголовным статьям, среди заключенных и спецпоселенцев резко возросла доля осужденных по политическим статьям. Поэтому и нашими рабочими были в основном осужденные за троцкизм, измену Родине и т.д. Но уголовников на Колыме оставалось еще довольно много.

Жить я стал в общежитии молодых специалистов. Была середина октября. По дороге на прииск у меня украли теплый шарф, а в последующие дни украли и все остальное, кроме того, что было надето на мне. В магазине ничего из одежды не продавали. Из продуктов были только хлеб, спирт,

Будучи заключенным, он руководил на прииске Широкий монтажом промычного прибора. Крана не было, все работы выполнялись вручную. Один старик из прибывшего этапа за что ни возьмется — только мешает. А в то время считалось нормой, когда начальники поколачивали подчиненных. Из-за неумелых действий старика груз едва не свалился на работавших внизу людей. Рассерженный Шапунов отвесил старику подзатыльник. Этот старик оказался членом-корреспондентом АН СССР, известным металлургом (фамилию его я забыл). Старика направляли на работы в шахту. Шапунову удалось пристроить его к себе в механические мастерские на уборку металлической стружки. Это работа в тепле и не тяжелая. Через некоторое время знания старика понадобились для становления уральской металлургии. Его отправили на материк, а затем реабилитирова-

станциями. Для зачисления в артель необходимо было владеть не менее чем двумя специальностями, например сварщик-бульдозерист или электрик-мониторщик. Неработающих жен в распоряжение артели привозить не разрешалось. Подобные правила соблюдались Тумановым и при организации последующих артелей на Дальнем Востоке, на Урале. В Москве он строил участок кольцевой дороги. Организатор он был талантливый.

Сантехник Эрмитажа

История одной из моих коллег, пропра сантехнических работ Эсфири Моисеевны Смеховой, вольнонаемной. В 1930-е гг. муж ее по фамилии Бульский был репрессирован и отправлен на Колыму. Больше ей о нем ничего не было известно. Эсфирь Моисеевна приехала на Колыму что-нибудь узнать о муже — у нее теплилась надежда, что,

Соломон Рубин. Эта дружба сохранилась на всю жизнь.

В сентябре 1956 г. я собирался в свой первый отпуск. Проезд на материк оплачивался 1 раз в 3 года, потому отпуск так и брали, но зато сразу на полгода. Мне дали путевку в санаторий. Мои друзья решили меня приодеть. После того как меня обокрали на приисках Гастелло и Челбанья, я носил то, в чем приехал из Иркутска. Следует отметить, что с момента образования Магаданской области (декабрь 1953 г.) был на Колыме медленно, но улучшался. В 1956 г. в магазинах стали продавать натуральное белье, одеколон, сигареты, конфеты, тушенку, зеленый горошек, разливное вино, правда, верхней одежды еще не было. Валентин Смургис где-то раздобыл для меня бостонский костюм (одна половина пиджака была намного темнее другой, но кто бы ко мне приглядывался), Юра Бубряк — плащ, а Соломон Рубин — не-

МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ НА КОЛЫМЕ

папиросы и красная икра. Я получал 1700 рублей, которых мне с трудом хватало от зарплаты до зарплаты. Однажды зарплату ИТР задержали на 2 месяца. У старых работников, имевших сбережения, это особых осложнений не вызвало, новичкам же пришлось туго. Бывали дни, когда мне, как и моим товарищам, поесть не удавалось.

Температура зимой достигала минус 50° и ниже, а насколько ниже — неизвестно. Столбик бытового спиртового термометра при этих температурах прячется в колбе. Эпизод из нашего быта. В комнате общежития молодых специалистов мы жили троим: лейтенант милиции (имя не помню), конструктор Женя и я. Однажды ночью лейтенант ловил жуликов, я был на аварии, а Женя спал один. Придя утром, я застал такую картину: Женя стоит в трусах возле своей кровати, рядом с ней ломик, наши с лейтенантом кровати голые, даже матрацев нет, чемоданы и тумбочки выпотрошены. Пока он спал, украденные были не только все вещи, но и документы. Правда, через некоторое время мои паспорт, диплом, военный и комсомольский билеты были подброшены в почтовый ящик на руднике им. Матросова, в 15 км от прииска Гастелло.

Подзатыльник Шапунова

На прииске я познакомился со своим будущим начальником М.Л.Шапуновым. В 1938 г. он командовал артиллерией в армии В.К.Блюхера. Его арестовали по обвинению в связях с иностранной разведкой. Жена отказалась от него как от врага народа. В 1954 г. он получил право выезда на материк, но к семье не вернулся. В 1957 г. его реабилитировали и наградили орденом Ленина. Многие рассказывая о себе, темы своей семьи он никогда не касался. Вот один из его рассказов.

ли. С Шапуновым они переписывались, но никогда эпизод с подзатыльником не вспоминали.

Туманов

В 1954 г. Шапунова назначили начальником строительства новой драги на прииске Челбанья, и он пригласил меня. Меня назначили прорабом электромонтажных работ. В моей бригаде было человек 15 — поселенцы, заключенные и вольнонаемные. Жил я уже не в общежитии, а в доме для ИТР, в комнате на двоих. Однажды я уехал на комсомольское собрание на прииск им. Фрунзе, а вернувшись, обнаружил, что меня опять обокрали. Унесли все, даже постельное белье. Так как милиции в нашем поселке не было, я обратился в милицию районного центра — поселка Сусуман. Там мне сказали, чтобы я обратился к охране лагеря. В лагере мне ответили, что вопросами кражи они занимаются только в том случае, если обокрали заключенного. Я понял, что рассчитывать мне не на кого. На прииске трудилась на подземных работах бригада проходчиков из числа заключенных. Бригадиром был Туманов. Впоследствии он стал известным строителем, другом Высоцкого, о нем много писали («30 октября» писала о Вадиме Туманове в № 114). Туманов занимался организацией работ, а его бригада обеспечивала рекордные скорости проходки подземных выработок. Мои ребята решили «разобраться» насчет кражи и «допросили» Туманова, но он уверил, что его люди к краже непричастны.

Лично я Туманова до Челбаньи не знал, но поскольку это был человек незаурядный, о нем много говорили. После освобождения из лагеря он успешно занимался старательской золотодобычей в Магаданской области, а затем в Якутии. Там у него была крупная артель, которая располагала сорока бульдозерами и пятью электро-

может быть, он жив — и остался работать. Оказалось, что он попал в лагерь на Челбанью. В тот год их с осени было 2 тысячи человек. К весне осталось шестеро. В числе погибших был и муж Эсфири Моисеевны. Она была интересным собеседником. Вот один из ее рассказов. До Колымы она какое-то время работала в Эрмитаже по своей специальности. Технической документации на сантехническое оборудование не сохранилось, и ее приходилось создавать «с натуры». Работы было много. Однажды в конце дня к ней подбегает испуганная сотрудница с криком «Срочно убегаем!». Они выбегают из залов, где размещались экспозиции. Оказывается, для охраны ценностей после закрытия Эрмитажа во внутренние помещения выпускались собаки, специально натренированные на поиск людей, которые могли спрятаться в залах.

В 1955 г. вся стройка во главе с М.Л.Шапуновым переехала на прииск им. Фрунзе, в поселок Центральный, на строительство новой драги. В поселке жили преимущественно бывшие политзаключенные. Люди жили в бараках. Холодильников тогда не было. Продукты через форточку вывешивали на улицу, белье сушили на веревках тоже на улице. Никаких краж не было, пока не приехали комсомольцы по призыву. Среди них оказались некоторые нечестные на руку. Сумки с продуктами, висевшие за окнами, стали срезать, белье с веревок снимать. Если до комсомольцев в поселок забредал какой-нибудь уголовник и попадался с кражей, его били так, чтобы впредь воровать было не повадно. Комсомольцев же трогать боялись.

Мои друзья

На прииске им. Фрунзе у меня появились друзья — Юра Бубряк, Валентин Смургис, Ная Шарова,

несколько рубашек. Где это они ухитрились раздобыть, я не представляю. В отпуск поехал я приодетый. Вот только кепка у меня была прожжена сваркой в нескольких местах, и я ее выбросил. Во время того отпуска я познакомился со своей будущей женой.

Соломон Рубин, бывший заключенный, был на поселении без права выезда. Мы с ним познакомились еще на Челбанье, где он был мастером по подъемно-транспортным машинам. Соломона арестовали году в 1938-м, когда он служил на границе с Монголией. Его часть занималась переброской через Монголию военного оборудования в 4-ю армию Мао Цзэдуна. Ему был 21 год, когда его арестовали по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Он был из интеллигентной семьи, очень доброжелательный, невысокого роста, хрупкий. Не знаю, как он пережил период заключения. В 1956 г. он получил разрешение на выезд, но без права жительства в столице. А вся его семья жила в Москве. Со временем он получил такое разрешение и смог устроиться на работу. Наша дружба продолжалась и в Москве до его кончины в 2002 г.

Юра Бубряк работал у нас нормировщиком и тоже был спецпоселенец. Он отбывал срок как участник бандеровского формирования. Впоследствии был реабилитирован, жил в Закарпатье и привлекался пограничниками в качестве переводчика с польского, румынского, венгерского, немецкого и чешского языков.

На снимках: Ключ Горелый. Жена автора рядом с домом вблизи монтажной площадки. Май 1958 г. Близ прииска Широкий. Драга № 180 перед сдачей её в эксплуатацию. 1957 г. Фото из личного архива автора.

Окончание на с. 11 ➤

➤ Окончание. Начало на с. 1

чтан в журнале «Еврейская старина» под редакцией Е.М. Берковича (2009 г., № 2 (61)), сокращенный английский — в еврейском американском журнале «Moment» (1999 г., февраль). Редактор изменил мое название на броское «Sentence — Execution» («Приговор — Смертная казнь») — он не мог понять, что моя цель в написании статьи была не столько описать приговор деду, сколько показать на примере нашей семьи трагедию всего поколения, а точнее, двух-трех поколений, проживших под самым жестоким режимом в истории человечества, раздавленных как будто асфальтовым катком.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ДЕТСТВА

Отца нет в моем раннем детстве. Я знаю, что идет война, и мы эвакуируемся в уральский город Молотов (теперь — Пермь). Мама говорит, что папа на войне. «Его могут убить?» — спрашиваю я. «О, нет — он «закаленный в бою» (была тогда такая формула. — Э.Р.), такие люди не погибают». Мы возвращаемся в Москву в начале 1944 г., осенью я иду в первый класс. Кончается война, и солдаты начинают возвращаться. «Где же папа?» — «Не все еще вернулись, он придет». Я верю, жду. Я уже в 3-м классе, когда в ноябре 1946 г. мама и старшая сестра несколько раз идут на вокзал, чтобы встретить его. У них нет точной информации, и они возвращаются без него. Наутро они собираются на вокзал опять, когда отец входит. На нем телогрейка, не военная форма. По-видимому, было воскресенье, так как я был еще в постели в довольно позднее время, и его первый вопрос был: «Он что, болен?» Отец проводит с нами несколько часов и уходит. Я в полном недоумении, но у бедной мамы на все есть объяснение: «Это нормально, что солдатам, вернувшимся с войны, некоторое время не разрешается жить дома». Девятилетний дурачок верит этому полнейшему абсурду. В школе я слышу и горячо отрицаю слухи, что отец сидел в тюрьме. Наконец, я припираю маму к стенке вопроса, она перед сном ложится рядом со мной и тихонько рассказывает, что были несправедливые репрессии в 1937—1938 гг., «взяли и папу», он провел 8 лет в лагере, вернулся, но ему нельзя жить ближе чем в 100 км от Москвы. И начинается для меня двойная жизнь, когда для дома были одни слова и мысли, а для школы, работы — совсем другие, якобы просоветские. Двадцать семь лет минуло, прежде чем я покинул ту страну и смог сбросить болыную двойственность со своей души...

Меер Рабинович родился в Минске в 1893 г., один из многих детей раввина Элизера Рабиновича и его жены Фейги. В 1923 г. Меер женился на дочери раввина Медалье Броксе; отец Брокси и поженил их. После революции черта оседлости евреев была отменена, и молодые смогли поселиться в Москве, где через год родилась моя сестра. Будучи «лишенцами», поскольку они были детьми «служителей культа», ни мать, ни отец не могли получить высшее образование.

То были годы относительного либерализма в экономике. Новая экономическая политика (НЭП) была начата Лениным с целью вывода страны из состояния разрухи, вызванного революцией и гражданской войной. Отец воспользовался НЭПом для организации мелких предприятий, например производства карандашей. В 1928—1929 гг. НЭП был внезапно прекращен — государство наложило налоги на предприятия, превышающие стоимость самих предприятий, забрало все себе и конфисковало значительную часть личного имущества нэпманов. Отца несколько раз арестовывали на короткое время, пока он не сдал почти все личное имущество, деньги и ценности. Семья была отброшена в нищету. Но в этом она была не одинока.

Отец стал рабочим, мама — бухгалтером. У отца были «золотые руки» — он мог починить что угодно. В конечном счете он научился

чинить зубоорудование и сделал это своей специальностью. Он был глубоко религиозен и активен в московской синагоге.

9 июня 1938 г. Меера Рабиновича вызвали в местное отделение милиции под предлогом исправления его документов, там он и был арестован сотрудниками НКВД. В его деле я не увидел сколько-нибудь значительной информации о событиях целого месяца и не знаю, что заставило его 11 июля послать следователю записку: «Я, Рабинович, заявляю, что готов искренне рассказать о моей контрреволюционной нелегальной деятельности среди верующих с 1936 г. и до дня моего ареста».

Его вызывают на допрос, и он описывает свои «преступления»: «Когда я был членом ревизионной комиссии синагоги, я совершил следующие антисоветские поступки: я утвердил выдачу Шептовицкому тысячи рублей на починки в синагоге; 6000 рублей — на выпечку мацы; 2000 рублей — Фуксу для раздачи бедным перед Пасхой. Эти деньги были получены от директора «Агро-Джойнта» Розена». Понятно, что следователя совершенно не удовлетворило такое

признание «вины». Он спросил о симпатии отца к арестованным тестю и теще и о сборании им денег в помощь семьям арестованных. Отец не отрицал.

— Вы знаете, что Розен был шпионом?
— Нет. Я ничего не знаю о шпионаже и никогда им не занимался.
— Если так, в чем же состоит ваша антисоветская деятельность?
— Моя антисоветская деятельность состояла в религиозной работе среди верующих...

— В вашем письме от 11 июля вы обещали правдиво рассказать о вашей антисоветской деятельности среди верующих, но вы неискренни. Если вы надеетесь избежать ответственности перед советским судом, вы глубоко заблуждаетесь! (Цитаты — выдержки из дела М.Рабиновича.)

ПОЕЗД

Следователь зачитывает показания Шептовицкого, который описывал собрание несуществовавшего центра «Мерказ Мизрахи» в нашей квартире. «Вы теперь понимаете, конечно, что ваша вина полностью доказана?» Теперь отец соглашается. Из письма папы Генеральному прокурору в 1954 г.: «В 1938 г. во время следствия, несмотря на мучительные методы допроса, применения угроз и физического насилия, я категорически отрицал вымышленные и надуманные обвинения. Но следователь довел меня до такого состояния, что я вынужден был заявить ему так: «Пишите все, что хотите, я все подпишу». Через несколько дней мне был предъявлен протокол следствия, который я подписал. Точно не помню все обвинения... и поэтому не могу их перечислить. Но самым категорическим образом заявляю, что ни в какой контрреволюционной деятельности не участвовал».

29 июля ему было представлено обвинительное заключение в одну страницу: «М.Л. Рабинович был активным членом сионистской националистической организации и ходатайствовал о помощи арестованным служителям культа. Его вина установлена показаниями Шептовицкого». Заочный приговор был вынесен ОСО 2 августа: «За контрреволюционную деятельность заключить Рабиновича Меера Лейзеровича в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, начиная с 9-го июня 1938 г.» Эти 8 лет он провел на Колыме — в самом холодном, отдаленном и жестоком из мест ГУЛАГа. («А с холодом я знаком, испытал и 60—65° мороза», — напишет он племяннику, историку Иосифу Амосину, из ссылки через 13 лет.)

Отец выжил. Я уже описывал его появление в Москве в ноябре. Он снял комнату в городе Петушки, за пределами запрещенной ему 100-километровой зоны, и нашел работу в качестве агента по снабжению на местной текстильной фабрике. Он хотел именно такую работу, поскольку она требовала частых командировок в Москву на 3—5 дней.

Мы трое — мама, сестра и я — занимали две комнаты во втором этаже в огромной коммунальной квартире, где 15 семей жили на двух этажах, а также в полуподвале и на чердаке и делили два туалета и два умывальника. По крайней мере одному из соседей, Тимофееву, было приказано следить за нами. Вначале отец был, по-видимому, наивен и думал, что может нечестно у нас, будучи в официальной командировке, но не тут-то было. По докладу Тимофеева появилась милиция, прогнала отца и оштрафовала мать. После этого он больше не спал дома. Где же он проводил московские ночи?

Допрошенный об этом следователем после второго ареста отец ответил: «На вокзалах». Это не было правдой — он никогда не был без

убежища. Родственники и старые друзья из Минска проявляли большое мужество и любовь, давая ему приют. Особенно я вспоминаю маленького скромного Абрама Ницберга, друга папы по Минску, которого, хотя ему было около пятидесяти, все называли Абраша. Он жил в паре километров от нас, тоже в коммунальной квартире, с большой и больной семьей. Тем не менее именно эта семья чаще всего прятала отца. И она была не единственной.

Все же были восемь дней, которые папа прожил дома, не прячась. У мамы была пишущая машинка. Однажды участковый милиционер попросил ее напечатать какую-то личную бумагу, она это сделала, не взяла плату, так что установился некий личный контакт. В 1947 г. мама спросила его, нельзя ли разрешить папе прожить дома восемь пасхальных дней. Участковый повел ее к начальнику отделения милиции, и тот дал письменное разрешение на посещение. Так что папа пришел, не скрываясь, пошел в туалет; конечно же, соседи тут же донесли, и черная смена милиционеров пришла по его душу, но, увидев бумагу от своего начальника, они сказали: «Счастливы праздновать!» и оставили нас в покое.

Гости были приглашены на Седер, первый за 9 лет (В еврейской традиции центральное событие праздника Песаха, — пасхальный вечер Седер (буквально — стол). Проведение Седера тщательно регламентировано и состоит из множества элементов. — Примеч. ред.)

В тех условиях я рос, ничего не зная об иудаизме, и мама боялась противодействовать резко антирелигиозному воспитанию в школе. Но за несколько дней до Пасхи она подошла ко мне с важным разговором. Она спросила, хочу ли я приготовить большой сюрприз для папы, и я сказал: «Да». Она объяснила, что я должен буду выучить наизусть некий текст на древнееврейском языке, который она напишет русскими буквами, и прочитать его, когда она подаст мне знак. Я выучил, не понимая, текст, начинавшийся странными и темными словами: «Ма ништана галайла газе...» (Чем отличается эта ночь от остальных? — Примеч. ред.)

Я думаю, что Сталин не сумел сокрушить моих родителей. Они никогда не сдались. Вы только подумайте: вот человек, который провел 8 лет в неопишываемых условиях за то, что он религиозен, а сейчас он си-

дит во главе стола, полного гостей, в многолюдном муравейнике, где тонкая фанерная стена не скрывает звук от соседей, в египетской тьме сталинской Москвы, и они вслух читают историю Исхода евреев из рабства на свободу! И вот время приходит для Четырех Вопросов. Отец обращается к маме: «Некому задавать, придется тебе». Мама: «Почему же я? Разве я младшая? Здесь есть кто-то помоложе», и она дает мне знак. Я, запинаясь, начал говорить. Думаю, что за всю жизнь он не получил от меня большей радости. (По ритуалу Седера четыре сына задают вопросы отцу. Умный сын спрашивает: что за закон, который дал нам Господь? Непослушный сын: Что это за праздник у вас? Наивный: а что случилось? И четвертый, протест, пытается, но не может задать свой вопрос. Есть также четыре вопроса, касающиеся самой трапезы. — Примеч. ред.)

В 1948 г. Фаня окончила университет и, будучи еврейкой, оказалась единственной из ее выпуска, посланной за пределы Москвы, чтобы преподавать немецкий язык в школах Смоленска. Бродячая жизнь отца стала невыносимой, просве-

дверь, и ничего не подозревающая голова Беллы появляется в щели. К счастью, очень к счастью, только мама и я видим ее. Мамин резкий взмах руки: «Прочь!» Белла испаряется. Все заняло долю секунды. Если бы офицеры заметили ее, они могли бы пойти обыскивать и их комнату. Около часа ночи на меня внезапно нападает истерика, и один из офицеров приказывает матери: «Отправьте мальчика спать». Я ложусь и немедленно проваливаюсь в сон. Они уходят около четырех утра, и проходит несколько дней, прежде чем мы восстанавливаем какой-то порядок.

Я читаю протоколы допроса отца майором Синицыным. Поведение обоих сильно отличается от того, что было в 1938 г. Тогда отец в какой-то мере старался не противоречить следователю, может быть, надеясь, что это уменьшит число лет заключения, или просто потому, что его били. В то же время следователю было очень важно добиться от отца признания вины.

В 1949 г. было иначе. Правительством секретно решено, что все прежние заключенные долж-

та не было видно, и Фаня предложила, чтобы он переехал к ней. Но он не успел рассмотреть такую возможность.

14 февраля 1949 г. Папа ночует где-то в Москве, ему не разрешено по-прежнему находиться у нас, но собирается прийти позавтракать домой, и мама готовит завтрак для него и меня. Мы вместе выходим — мама на работу, я в школу. Мы не замечаем машину во дворе. Вечером, по возвращении, мы знаем, что папа приходил: он оставил шарф на стуле. Он собирался вновь зайти, но не появился. Ни у нас, ни у Ницбергов не было телефона, мы ждем до утра, бежим к ним — он не ночевал ни у них и ни у кого другого. Мама пошла к начальнику милиции и спросила, не был ли он арестован за нарушение паспортного режима, но начальник заверил ее, что этого не было — он наверняка известил бы семью. Мама начинает лихорадочный поиск в больницах и моргах — безрезультатно. Прошло три долгих дня.

17 февраля, около семи вечера. Входят два офицера МГБ и допрашивают Дмитрия, взятый как понятой. Офицеры, Дубинин и Рыжков — имена я сейчас читаю в деле — предъявляют ордер на обыск, и судьба отца становится очевидной. Три дня назад они ждали отца в той машине, которая не привлекла нашего внимания. Отцу не разрешили написать записку, и он оставил шарф как намек, что был вынужден покинуть дом в большой спешке. Мы не поняли намека.

Начинается обыск. Они открывают каждый шкаф, постранично перелистывают каждую книгу. Они ничего не кладут на место. В какой-то момент приоткрывается

ни быть высланы на поселение в Сибирь. Тех, кто заканчивали срок после 1949 г., отправляли прямо в ссылку. Тех же, кто, как папа, был ранее освобожден и выпущен в центр страны, вновь арестовывали и «шили» им как бы новое дело. Так что приговор — ссылка — был предпринят. Мое впечатление, что майор Синицын не бил отца, а просто проводил время, чтобы сделать папку с делом потолще. Но какое время? В 1949 г. часы и минуты записаны: каждый день в течение 5 дней с 22 часов до 6 утра. После этой 8-часовой «тяжелой» работы майор отправлялся домой спать, а отца отводили в камеру, наоборот, НЕ спать, за чем строго следили. Протоколы этих долгих допросов занимают одну-две страницы рукописного текста, они скучны и повторяют друг друга. На сей раз мой опытный отец не показал и следа сотрудничества. Вот сокращенный протокол допроса от 16 марта:

— Вы решили дать правдивые показания о вашей антисоветской националистической деятельности?

— Я даю правдивые показания, что антисоветской деятельностью я никогда не занимался...

Ни малейшего доказательства не было представлено. 15 июня ОСО приговорило отца к вечной ссылке, и он был доставлен в отдаленную деревню Красноярского края. Он не имел права отлучаться более чем на 25 км и должен был являться на отметку в МГБ дважды в месяц. Работы там не было, за деньги нельзя было купить продукты в пустых магазинах, и власти не были обязаны кормить формально свободного человека. Мама немедленно поехала с едой. Отец, обычно сдержанный, встретил ее и тут же стал

есть — он думал, что она не застанет его живым. Через несколько месяцев ему удалось добиться, чтобы его перевели в Большую Мурту — крупную сельскохозяйственную деревню и районный центр в 105 км севернее Красноярска. Там он устроился слесарем в местный гараж («Автороту»), обслуживавший окрестные колхозы грузовиками, так что он смог сам себя содержать. (В письме Иосифу Амусину, который сам был выслан из Ленинграда и работал в Ульяновске, папа ругает его за присылку 250 рублей.) В этой деревне я трижды проводил летние школьные каникулы в 1951–1953 гг. Фаня и мама также приезжали. Железная дорога была в Красноярске, автобусов оттуда в Мурту не было, и папа не мог встречать нас, поэтому он устраивал так, что грузовики «Автороты», бывшие в городе по делам, подбирали нас. В 1953 г. начал ходить автобус.

Эти каникулы не были плохи, и мои воспоминания о них слегка пасторальны. Мы жили в нищете, но так жили все, так что я не знал, что это была нищета. Папа снимал угол у вдовы-крестьянки, где спал еще кто-то из членов семьи. Я спал в той же комнате, для чего вносили козлы и доску. В соседней комнате (без дверей между ними) угол снимал другой ссыльный. Вдова охотно принимала нас всех, потому что ценила папу, который мог все починить.

Новые ссыльные прибывали все время. Они заботились друг о друге. Местные крестьяне не были враждебны. В больнице работали ссыльные московские и ленинградские врачи, так что она была неожиданно хороша для такого удаленного места. (Только недавно я узнал, что знаменитый хирург и священник В.Ф.Войно-Ясенецкий, или Святитель Лука, получивший в 1946 г. Сталинскую премию за «Очерки гнойной хирургии», до войны был ссыльным в Б. Мурте и работал в той же больнице.) Как правило, ссыльные жили без семей.

Когда дикая клубника созревала в лесу, я ходил собирать ее в компании детей немцев Поволжья, высланных из родных мест, а по воскресеньям — с отцом. «Почему мы здесь? В чем наша вина?» — спрашивала немецкая девушка. У меня не было ответа, да она его и не ожидала. Я подружился с соседом — ссыльным турком, который был учителем в его родном Азербайджане. Его семья отказалась от него, учительствовать здесь он не мог, так что он зарабатывал на жизнь как сапожник. Ему было около семидесяти, и он хвастал легендарным кавказским долголетием: «Мой папы папа (он не знал русского слова «дед». — Э.Р.), когда ему было семьдесят, взял новый дэвочка. И от этой дэвочки родилась моя папа». Мы шли купаться в местной речушке. Дорога проходила через большое поле, и он громко пел турецкие песни. Или же давал мне политический урок такого сорта, который папа не решался дать. Однажды я предположил, что все могло быть иначе, если бы Ленин был жив. Его ответ был резок, как удар хлыста: «Ленин тож самое, что Сталин. Мягко стелзет, жестко спат».

Его «папы папа», может быть, и мог в семьдесят лет взять «новый дэвочка», но жизнь в досоветские годы помогала долголетию куда лучше, чем упражнения или диета. «Сын сына» не имел такой роскоши. Однажды в ледяную сибирскую стужу 1952–1953 гг. он шел с рынка и упал мертвым. Поэтому я его не видел, когда в 1953 г. я приехал туда в последний раз...

Это не был последний раз. В возрасте за 70, в благополучной эмиграции, мной овладело непреодолимое желание вновь увидеть это место, и в мае 2008 г. мы с женой посетили Большую Мурту.

Ссыльные не предполагали, что они когда-нибудь смогут вернуться к нормальной жизни. Фаня однажды спросила: «Папа, будет ли этому когда-нибудь конец?» Он пожал плечами: «Может быть, ког-

да Сталин умрет». Фаня была потрясена: «Сталин может умереть?» Отец посмотрел на нее с изумлением: «Ты ведь не очень религиозна? Уж конечно, ты не думаешь, что он бессмертен?» Фаня так не думала, но даже мысль о возможной смерти Сталина казалась нереальной.

Он, конечно, умер, но не раньше, чем успел свергнуть страну в еще одну резню. К «обычным» репрессиям был добавлен сильнейший антисемитизм. Дух новой приближающейся Катастрофы постепенно вошел в наше сознание. В 1948 г. директор московского Еврейского театра Михоэлс был убит в Минске. Сейчас известно, что по приказу Сталина. И 12 августа 1952 г. были расстреляны 13 членов Еврейского антифашистского комитета.

13 января 1953 г. газеты сообщили, что разоблачена группа еврейских врачей — все наиболее известные профессора, лечившие правительство, которые «оказались» агентами еврейских националистических организаций за границей (известного нам «Джойнта», например) и планировали убийство Сталина и других руководителей.

«Дело врачей» сейчас хорошо известно, но я хочу описать атмосферу отчаяния после этого объявления. Я боялся идти в свою московскую школу, разговаривать с товарищами. Еврейских студентов били. Некоторые протестующие открыто показывали свой гнев против еврейских учеников и занижали им отметки. Однажды мальчик Юра подошел ко мне и радостно сказал: «Скоро вас, жилов, всех выселят». Это было вполне возможно, учитывая богатый сталинский опыт в выселении целых народов.

Этого не произошло. 2 марта 1953 г. инсульт свалил Сталина, и 5 марта его не стало.

Отход от сталинизма начался мгновенно, в первые же дни. Немедленно была прекращена антисемитская травля в печати. 4 апреля мне исполнилось шестнадцать, и я получил подарок от правительства, равного которому я никогда не получал и не получу от самых близких мне людей: утреннее радио сообщило о прекращении дела врачей и об их освобождении (кроме двух, погибших во время следствия). Атмосфера разрядилась.

Что это означало для ссыльных? На этой ранней стадии — ничего. Окрыленные освобождением врачей, многие бросились писать заявления о пересмотре их дел — только чтобы получать стандартные ответы сталинского времени: «Вы были справедливо осуждены. Ваше дело пересмотру не подлежит». Более того, приехав туда летом 1953 г., я нашел, что по инерции условия ссылки даже ужесточились. Отец был пессимистичен и отказывался писать даже тогда, когда ближе к концу 1953 г. стандартные отказы перестали приходить. Только через год после смерти Сталина, 18 марта 1954 г., он пишет письмо Председателю президиума Верховного совета СССР К.Е.Ворошилову:

«...В 1938 г. меня арестовали и предъявили обвинение, что я являюсь членом организации «Мизрах». Несмотря на мучительные допросы... я себя виновным... не признавал, т.к. это было действительно неправдой. На самом деле, единственным моим преступлением было то обстоятельство, что я был сыном раввина и зятем раввина, и только на этом основании... следователь строил свои предположения, что я «должен антисоветски мыслить»... Неужели полная необоснованность обвинения может стать в правовом государстве основанием для бессрочности наказания? Неужели 16-ти лет тяжелой жизни, лишения семьи, родных, общества и всего того, что дорого нормальному человеку, недостаточно, чтобы искупить мое происхождение сына/зятя раввина, даже если согласиться, что это было преступление?»

Я всегда жил и продолжаю жить жизнью маленького рядового человека, люблю свою семью, свою работу.

Превратить меня в опасного политического противника — по меньшей мере, смешно, к тому же, какую опасность 60-летний больной старик может... представлять для могучей Советской власти. Кому это нужно, чтобы я и моя семья продолжали ни за что так страдать. Прошу разрешить мне вернуться к моей семье».

Через пару месяцев я пошел в ту самую приемную КГБ, где сейчас, через 43 года, я читаю дела. Принявший меня офицер не спросил имени отца и не справился в бумагах, а просто сказал, что его дело пересматривается, но он не имеет понятия, когда пересмотр завершится. К осени 1954 г. ссылку просто отменили, и отцу было разрешено вернуться. Домой? О, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Пересмотр не был завершен, и формально условия его возвращения были такими же, как и в 1946 г.: жить не ближе 100 км от Москвы. Но за исполнением запрета не следили, и соседи, по видимому, не просили докладывать. (К этому времени наш старый дом с 15 семьями в квартире снесли, и нам дали комнату в квартире, в которой жила еще только одна семья.) Однако без прописки папа не мог устроиться на работу в Москве. Поэтому он снял комнату (или просто адрес для прописки) в отдаленной деревне и убедил московский завод по ремонту зубоорудованного оборудования, который обслуживал зубных врачей только в Московской области, нанять его в качестве их выездного мастера. Он продолжал там же работать и тогда, когда, наконец, получил разрешение на проживание в Москве. Почта принесла это разрешение в конце апреля 1955 г., через 17 лет после его первого ареста: «Гр. РАБИНОВИЧУ Мееру Лейзеровичу

По протесту Генерального Прокурора Союза ССР Верховный Суд Союза ССР от 20 апреля 1955 г. Постановления Особого Совещания от 2 августа 1938 г. и от 15 июня 1949 г. отменил и дела на Вас прекратил и Вы полностью реабилитированы».

Вскоре Фаня вернулась в Москву из Смоленска, и в течение последних четырех лет мы, наконец, жили как одна семья, в одной комнате. Женщины спали на старых диванах, а для папы и меня на ночь вносились раскладушка и козлы с доской. Я надеюсь, что это были счастливые годы в его жизни. Но его здоровье было разрушено, и обычный грипп убил его в феврале 1959 г., когда ему было только 65 лет.

Мы получили письмо от Гальперина, товарища папы по ссылке: «Меера Лазаровича мы знали как человека благороднейшей души с той высшей, чистой моралью, которая все реже и реже встречается в наши дни. Благодаря ему я даже по-новому начал смотреть на тот источник, из которого М.Л. черпал свою несравненную моральную силу и духовную цельность. Меера Лазаровича я узнал в тех трудных условиях, когда жизнь ломала, калечила людей, обнажала их сущность, скрывавшуюся за внешней полировкой. Это было жестокое испытание, может быть единственное, способное проверить человека. Меер Лазарович был одним из немногих, который с честью прошел это испытание...»

Однажды отец высказал мысль: «Даже если когда-нибудь этот режим принесет счастье и процветание всему человечеству, он и тогда не сможет оправдать те реки крови, которые были ради этого пролиты». Отец не дождал до падения коммунизма, падения без славы, счастья и процветания; режима, который за всю историю не оставил за собой ничего, «кроме крови, тяжкого труда, слез и пота», по выражению Черчилля.

Элизер РАБИНОВИЧ

На снимке: Последняя фотография М.Л. Рабиновича, 1958 г. Фото Беллы Рабинович.

➤ Продолжение. Начало на с. 9

Валентин Смургис, — прораб общестроительных работ — был «договорник», никаких судебных ограничений не имел.

Ключ Горелый

В 1958 г. я работал на строительстве драги на Ключе Горелом на территории прииска им. Фрунзе. Впервые нам пришлось работать не вблизи поселка, а в совершенно глухом месте, где не было ни жилья, ни дорог, ни электричества. Вначале мы поселились в поселке Промкомбинат в 15 км от строительной площадки. Для хостяков поставили палатки, а се-

иске им. Гастелло, работал доктор Розов. Один из моих знакомых, находясь в лагере, мучился от трофических язв. Доктор Розов, сидя в этом же лагере, излечил его от этого недуга. До заключения он занимался изучением восточной медицины и имел степень доктора медицинских наук и степень доктора биологических наук. Позднее, уже в Магадане, я познакомился с А.П.Пылаевым, который рассказал, как ему помог Розов. Пылаев служил в разведке и, переходя финскую границу, был ранен. Осколком гранаты ему снесло часть черепной коробки. Снесенную часть черепа заменили платиновой пластинкой, но после операции в мозгу скапли-

МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ НА КОЛЫМЕ

мейные снимали жилье у местных жителей. На монтажную площадку завезли вагончик — нашу конторку и стали готовить площадку для складирования оборудования и металлоконструкций драги. Одновременно стали рыть котлован, строить дизельную электростанцию и жилой дом. Когда его построили, мы переехали жить на Ключ Горелый. Половину дома отдели под общежитие, а половину — под квартиры для семейных. Я к этому времени был женат. Дом оказался очень холодным. Зимой замороженное мясо, лежащее на полу комнаты в посылочном ящике, не оттаивало, а верхний уровень инея на стенах повышался или понижался в зависимости от того, сколько угля мы сожгли в нашей плите, но всегда был выше пола. Воду мы привозили с ближайшего озера. Озеро промерзало насквозь. Мы кололи лед, складывали в бак и везли на санках домой. Так как под снегом разобрать было невозможно, где лед чистый, а где с травой, то очень часто в растаявшей воде оказывались какие-то водоросли, тина. Но после процеживания через 2 слоя марли вода признавалась годной не только для умывания, но и для приготовления пищи.

Доктор Розов

В поликлинике поселка Нексикан, куда мне пришлось обращаться из-за последствий ожога на при-

валась жидкость, которую нужно было откачивать каждые 2 года. В лагере, когда от скопившейся жидкости у Пылаева начались дикие головные боли и обмороки, лагерные врачи не могли ему помочь, и за его лечение взялся Розов. С тех пор ни головных болей, ни обмороков у Пылаева не было и откачивание жидкости ему больше не требовалось. Еще Пылаев рассказал, что Розов после Нексикана работал в одной из поликлиник Магадана. Но там у него возникли неприятности, связанные с тем, что он, стремясь к тщательному обследованию пациентов, не успевал принять положенное количество посетителей. Розов уехал в Воронеж, где стал работать главным врачом госпиталя.

Летом 1960 г. наша стройка находилась в поселке Пятачок прииска Ат-Урях Ягоднинского ГОКа. Там у меня родился сын. Жена не хотела, чтобы в метрике ребенка было написано «место рождения поселок Пятачок». Хотя недалеко была больница, она поехала рожать в районный центр, поселок Ягодное.

В 1961 г. стройка переезжала на Чукотку. Нашему ребенку нужно было полноценное питание, и мы переехали в Магадан. Но это уже иной этап нашей жизни.

Источник карты: лаборатория истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН. Карта составлена историком, краеведом-дальневосточником А.Г. Козловым в 2011 г. к 80-летию «Дальстроя» (фрагмент).

ФЕВРАЛЬСКИЕ И МАРТОВСКИЕ ХРОНИКИ

1919. 17 февраля

Декрет ВЦИК РСФСР «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» подтвердил право ВЧК на «непосредственную расправу», то есть расстрел без приговора суда, в местностях, объявленных на военном положении. Органы ВЧК не только проводили следствие, но и выносили и исполняли приговоры, заменяя собой следственные и судебные органы.

1929. 19 февраля

Первый арест Варлама Шаламова, в будущем летописца Колымы, а тогда — московского студента, участника троцкистской оппозиции, члены которой в типографии МГУ печатали подпольную литературу, в том числе письма Троцкого и «завещание Ленина». Во внесудебном порядке как «социально опасный элемент» был осужден на 3 года лагерей.

1934. 13 февраля

Гибель в Чукотском море парохода «Челюскин», на борту которого находилась научная экспедиция, осваивавшая Северный морской путь. Начало операции по спасению экипажа и членов экспедиции, высадившихся на льдину, и идеологической кампании вокруг нее. Советская пропагандистская машина превратила выбор в заведомо непригодного для дан-

ное военное время и подготовка вооруженного восстания в советском тылу в поддержку фашистов. Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а ее территория разделена между соседними регионами.

1949. 21 февраля

В Ленинград прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков. Состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии, на котором он обрушился с критикой в адрес руководства города. Начало «Ленинградского дела», которое привело к полному разгрому руководства города и области, а также к арестам выходцев из Ленинграда в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР. Из всех депутатов от Ленинграда и области, выбранных в 1946 г. в Верховный Совет СССР, к следующим выборам на свободе остался один — поэт Николай Тихонов. Основной причиной стало опасение растущей власти политического и экономического руководства в Ленинграде.

1954. 5 февраля

Вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из РСФСР в Украинскую ССР. Поводом для такого была объявлена круглая дата — 300-летие вхождения Украины в состав российского государства. Издание ука-

Анатолія Марченко, автора книги «Мои показания».

1974. 12–13 февраля

В Москве в своей квартире был арестован лауреат Нобелевской премии писатель Александр Солженицын. Ему было предъявлено обвинение по ст. 64 УК РСФСР («измена Родине»). На следующий день указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен советского гражданства и на самолете вывезен в ФРГ. Вернулся на родину в 1994 г.

1984. 9 февраля

В Москве умер генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, многолетний глава КГБ Юрий Андропов. Он пробыл на посту генерального секретаря чуть больше года, за это время ужесточились идеологический контроль и репрессии против инакомыслящих. Очередным вождем партии и государства был назначен Константин Черненко. Апогей застоя.

1989. 15 февраля

Был завершен вывод советских войск из Афганистана. Пребывание «ограниченного контингента» Советской армии в Афганистане продолжалось почти 10 лет, унесло жизни около 15 тысяч солдат и офицеров и сильно подорвало международный престиж СССР. Точное число погибших в войне афганцев неизвестно. Наиболее часто встречается цифра в 1 млн погибших; имеющиеся оценки колеблются от 670 тысяч гражданских лиц до 2 млн в целом.

1994. 23 февраля

Государственная дума РФ приняла постановление о политической амнистии, прекратившей «дело ГКЧП» и дело о «Малой гражданской войне в Москве» 3–4 октября 1993 г. Вышли на свободу А.Рущкой, Р.Хасбулатов и их сторонники. Президент Б.Н.Ельцин инициировал договор «Об общественном согласии».

1924. 23 марта

При Объединенном государственном политическом управлении образовано Особое совещание для расследования дел по «контрреволюционным преступлениям» в закрытом порядке. ОСО просуществовало почти 30 лет — до сентября 1953 г.

В течение 30 лет людей заочно приговаривали к ссылкам, лагерям и даже некоторое время к смертной казни.

1939. 31 марта

Во Владимирской тюрьме умер Сергей Александрович Ефремов. Украинский ученый и общественный деятель, выступавший за идею украинской государственности, был приговорен в 1930 г. к 10 годам тюремного заключения как глава мифического «Союза освобождения Украины», якобы ставившего своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма на Украине.

1944. 8 марта

По постановлению Государственного комитета обороны состоялось поголовное выселение балкарцев (около 40 тысяч человек), обвиненных в «измене Родине» в период немецкой оккупации, с в Казахскую и Киргизскую ССР.

1949. Март

В Эстонской ССР началась депортация раскулаченных крестьян — последствия установления советских порядков в сельском хозяй-

стве республики. Всего были депортированы 7488 семей, 20 173 человека.

1959. 30 марта

В Москве умер поэт и философ-мистик, узник Лефортовской и Владимирской тюрем, Даниил Андреев. Автор религиозно-философского трактата «Роза мира», цикла стихов «Русские боги», «Железной мистерии». Основные произведения были написаны Андреевым в период пребывания во Владимирской тюрьме (1948–1956 гг.).

1964. 13 марта

Дзержинский районный суд г. Ленинграда вынес приговор по обвинению в «антиобщественном паразитическом образе жизни» поэту Иосифу Бродскому — 5 лет ссылки с обязательным привлечением к труду. Первый политический процесс послесталинского времени, вызвавший заметную волну общественного протеста. На арест и суд над молодым и малоизвестным литератором совершенно неожиданно для власти откликнулись крупнейшие деятели советской культуры. Анна Ахматова, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Константин Паустовский, Дмитрий Шостакович дали для суда положительную характеристику творчества Бродского, а видные литературоведы Владимир Адмони и Ефим Эткинд выступили на суде в его защиту, высоко оценив его как поэта и переводчика. Запись суда над Бродским, сделанная писательницей Фридой Вигдоровой, стала одним из первых правозащитных документов Самиздата.

1969. 24 марта

В городе Юрмале был арестован бывший учитель и предсе-

датель колхоза Иван Антонович Яхимович. До ареста он участвовал в кампании протеста вокруг дела А.Гинзбурга и Ю.Галанскова, входил в кружок неомарксистской интеллигенции, сформировавшийся вокруг П.Г.Григоренко, выступал в защиту Пражской весны. Признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение по ст. 190–1 УК СССР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

1974. 4–6 марта

В Орле состоялся процесс по делу Виктора Александровича Хаустова, обвинявшегося в распространении «Хроники текущих событий» и передаче информации для нее, в размножении и отправке на Запад «Дневников» Эдуарда Кузнецова, заключенного лагеря особого режима, одного из осужденных по «самолетному делу». Группа «отказников» в июне 1970 г. захватила в ленинградском аэропорту «Пулково» само-

лет, летевший в Финляндию. Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов были приговорены к смертной казни, затем помилованы. По обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» Хаустов был приговорен к 4 годам лагеря и 2 годам ссылки.

1979. 23 марта

В Ташкентском областном суде закончилось слушание дела председателя Церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня Владимира Андреевича Шелкова и его четырех единоверцев. За «клевету» на строй и «посягательство на личность под видом исполнения религиозных обрядов» 80-летний Шелков был приговорен к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества. 27 января 1980 г. Шелков умер в исправительно-трудовой колонии в Якутии.

1984. 13–14 марта

Украинский журналист, автор Самиздата, бывший политзаключенный Валерий Вениаминович Марченко был осужден киевским городским судом за публикации на Западе своих произведений («анти-советскую агитацию и пропаганду»). Тяжелобольной Марченко был приговорен к 10 годам колонии особого режима. 7 октября 1984 г. он умер в Ленинградской тюремной больнице.

1989. 26 марта

Прошли выборы народных депутатов СССР — первые относительно свободные за 70 лет советской власти. В некоторых союзных республиках (Прибалтика, Молдавия) большинство получили кандидаты от оппозиции. В парламент страны вошли Андрей Сахаров, Дмитрий Лихачев, Алевтис Адамович, Егор Яковлев.

ных целей судна в эпический подвиг по спасению челюскинцев. Все 104 человека, 2 месяца проводивших в условиях полярной зимы на льдине, были спасены.

1939. 25 февраля

В Москве был приговорен Военной коллегией Верховного суда и расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности Сергей Осипович Ежов (Цедербаум). Один из лидеров РСДРП (меньшевиков), с 1920 г. в тюрьмах и ссылках. Его родной брат Юлий (Мартов), лидер меньшевиков, выехал в Германию в 1920 г., получив на это визу Ленина, как представитель партии меньшевиков за границей.

23–26 февраля

В Москве по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в антисоветской деятельности были расстреляны несколько десятков видных партийных и военных руководителей, в том числе маршал А.Егоров, командарм 1-го ранга И.Федько, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.Косарев. В рамках репрессивной чистки правящей элиты в 1937–1938 гг., накануне съезда партии.

1944. 23 февраля

По постановлению ГКО была проведена поголовная высылка чеченцев и ингушей (более 478 тысяч человек) в Среднюю Азию. Операция под кодовым названием «Чечевица» проходила с 23 февраля по 9 марта 1944 года. Причинами репрессий в отношении этой народности были объявлены массовое дезертирство, уклонение от призыва

за часто называют личной инициативой тесно связанного с Украиной Н.С.Хрущева.

1959. 5 февраля

В Москве закончился XXI съезд КПСС, на котором Н.С.Хрущев, ставший единоличным руководителем партии и правительства, провозгласил начало строительства в СССР коммунизма. В речи Хрущева на съезде карательным органам была дана установка на профилактическую работу, знаменовавшая окончание репрессивной кампании, конца 1956-го — начале 1957 г.

1964. 1 февраля

Генерал-майор советской армии Петр Григоренко был задержан органами КГБ в аэропорту Хабаровска, доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму КГБ. Началось следствие по обвинению его в создании подпольной организации «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Группа в 1962–1963 гг. распространяла на заводах Москвы и других городов СССР листовки с критикой советского руководства. В союз входили сыновья генерала и несколько их друзей — студентов и офицеров.

1969. 19 февраля

Московский городской суд приговорил правозащитницу Ирину Белгородскую к 1 году лишения свободы в лагере общего режима за «измышления, порочащие советский строй». Белгородская заблабла в такси сумку, которая была доставлена в КГБ. В сумке были несколько десятков экземпляров письма в защиту арестованного

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.RU

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Февраль — март 2014. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно

В подготовке номера принимали участие:
Г.В.Кузовкин,
Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Фото из архива НИПЦ «Мемориал» (Москва) и Сахаровского центра